

Олег Арин

**ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ
О ЦАРСКОЙ РОССИИ**

КОНЕЦ XIX– НАЧАЛО XX ВЕКА

Москва

ББК 63.3 (2) 66.3 (2Рос)
А 81

Арин Олег Алексеевич (Алекс Бэттлер)

**Правда и вымыслы о царской России:
Конец XIX — начало XX века).
Электронная версия — 140 с.**

В книге, являющейся переработанным вариантом брошюры «Царская Россия: мифы и реальность», впервые представлено исследование места и роли царской России на фоне великих держав конца XIX—начала XX вв. Как оказалось, внедрение капитализма в России, хотя и дало толчок развитию экономики страны, в то же время вело к потере экономической и политической независимости, к превращению Российского государства в объект манипулирования со стороны основных европейских держав.

В книге развенчивается миф-легенда об успешном развитии капитализма в начале века. В расширенный вариант книги введены дополнительные новые материалы, а также использованы элементы теории международных отношений, которые позволили с научных позиций осветить те или иные проблемы.

Книга предназначена для преподавателей, студентов-обществоведов, для тех, кто интересуется историей и судьбой России, и вообще для всех, кто умеет читать и размышлять.

Редактор М. А. Унке

ISBN 978-5-9710-0260-4

© Алекс Бэттлер, 2009

Содержание

<i>Предисловие</i>	<i>5</i>
<i>Введение</i>	<i>8</i>
<i>Процветающая Россия «до большевиков»</i>	<i>11</i>
<i>Мощь России и ее место в мире в начале XX века</i>	<i>14</i>
<i>Предварительные замечания</i>	<i>14</i>
<i>Развитие капитализма в России до 1917 г.</i>	<i>16</i>
<i>Бюджет России начала XX века</i>	<i>22</i>
<i>Наука и просвещение</i>	<i>25</i>
<i>Здравоохранение</i>	<i>29</i>
<i>Внешняя торговля</i>	<i>31</i>
<i>Военный потенциал России</i>	<i>36</i>
<i>Социально-экономическое положение населения в России</i>	<i>42</i>
<i>Российский капитализм и иностранный капитал</i>	<i>47</i>
<i>Николай «Кровавый» и его семья</i>	<i>53</i>
<i>Царская Россия в западных оценках</i>	<i>55</i>
<i>Население и средняя продолжительность жизни в России</i>	<i>58</i>
<i>Роль и влияние России в мире</i>	<i>63</i>
<i>Влияние и национальные интересы России</i>	<i>64</i>
<i>Война с Японией</i>	<i>67</i>
<i>Первая мировая война и роль России</i>	<i>69</i>
<i>Россия во внешней политике великих держав</i>	<i>70</i>
<i>Государственные интересы России</i>	<i>76</i>
<i>Баланс сил — многополярность — война</i>	<i>79</i>
<i>Заключение</i>	<i>81</i>
<i>Приложение</i>	<i>82</i>
<i>Мадам Нарочницкая, Энгельс и панславизм</i>	<i>82</i>
<i>Мифы русских патриотов о России и Западе</i>	

(Критическая рецензия на писания В. Мединского) 91

Нужны ли мифы? 91

Доктор Мединский как зеркало русского ура-патриотизма 93

Мифы о Западе 95

Цифровой кретинизм, или Вранье о демографии России 98

Русь: лапотная-нелапотная, зато самая грамотная 100

Петр I хоть и не большевик, но злодей похлеще 101

Великая Московия 102

Петр, религия и прочее 103

Атака на большевизм и социализм 106

Атака на Маркса 112

Верх дурости 115

Заключение 116

Его императорское величество

Николай II — Гольштейн 119

1. Николай второй — убийца русской нации 119

2. Николай Кровавый 122

и забытая русская революция 122

3. Николай Кровавый и диктатура 124

дома Гольштейнов в России 124

4. Гольштейн Кровавый и забытые вранья... 126

5. Крах Гольштейн-Романовых 133

Библиография 139

Предисловие

После выхода в свет моей брошюры «Царская Россия: мифы и реальность» прошло 10 лет, и мне показалось, что ее необходимо переиздать. К такой мысли меня подвигла всего лишь одна причина. Она заключается в том, что в последние лет пять в России появилось множество работ «национал-патриотического» содержания, в которых сильно преувеличиваются место и роль царской России в мировой истории. Более того, во многих из них даже утверждается, что именно Россия была чуть ли не центром вселенной, именно Россия привносила в Европу цивилизацию и именно русские научили этих варваров-европейцев мыться в бане. Эти «труды» как бы разоблачали «мифы» об отсталости России. Подобные книги должны были представлять «научную» базу национал-патриотизма, разыгравшего на фоне антизападной риторики Кремля, возвестившего о возрождении великой России.

Психологически эту национал-патриотическую волну понять нетрудно, поскольку русская нация все долгие годы после распада СССР пребывала и пребывает в состоянии угнетения и униженности от собственной немощи, от презрительного отношения Запада к России, от невозможности для большинства населения жить по стандартам того же Запада. А тут, к счастью, цены на нефть подскочили, вмиг сделав отсталую Россию «великой», по крайней мере «энергетической», державой, способной, как показалось многим, приструнить этот Запад, используя нефтяное и газовое оружие. Как выразилась одна американская газета, «вошь зарычала».

Вот на этом фоне оказались востребованными книги о великой России, не только нынешней, но и царской. Кремль даже организовал довольно мощную идеологическую кампанию под вывеской «Мифы о России», целью которой является возбудить дух русского народа нынешним и былым величием.

Проблема в том, что ни политики-идеологи даже самого высокого ранга, ни авторы, пишущие о великой России, не понимают, что означает «величие» страны, они не понимают вообще, что такое развитие и неразвитие, прогресс и регресс. Я потратил немало времени, читая их словесный понос, ни разу не встретив определений указанных терминов. Но если автор не определяет ключевые термины («величие», «развитие», «прогресс»), как можно утверждать, что та или иная страна великая, а другая — нет? Как вообще можно писать о «месте» и «роли» страны в мире, не определив, что такое «место» и «роль»? В результате получится сплошная говорильня об умных царях и их министрах, почему-то доведших страну до трех революций в начале XX века. Неслучайно почти у всех этих авторов-патриотов, за редким исключением, практически отсутствует статистика «развития» царской России. У тех же, у кого она есть (обычно

неполная, выборочная и чаще всего сфальсифицированная), эта статистика не имеет отношения к «развитию» страны, к его главному критерию, о котором, правда, ни один из авторов даже не догадывается.

На все это пустобрехство можно было бы махнуть рукой, если бы не одно «но»: все такие работы построены на идеологии антисоветизма и антикоммунизма. Фактически в рамках исследований всеобщей истории России идет атака на советский период истории, который, дескать, прервал поступательное развитие России. Непонятно только, куда?

На такие атаки непременно должна следовать контратака. Иначе распространяемая подобными авторами ложь станет привычной и превратится в «правду». Тем более что манипулировать сознанием нынешняя власть научилась отменно.

Итак, переиздавая книжку, я собирался добавить новые статистические материалы. Кое-что я действительно добавил, хотя они и не меняют общего характера содержания. Здесь интересно другое, на что я обратил внимание на этот раз. Оказывается, можно пользоваться одними и теми же цифрами, но делать совершенно противоположные выводы. Весь вопрос, как ими пользоваться. Например, по расчетам патриотов, расходы на просвещение с 1900 по 1913 г. увеличились в пять раз. Они в этой связи утверждают, что, следовательно, и население страны становилось более просвещенным. Возможно, это и так. Но при этом надо учитывать рост населения за этот период времени, а значит, и рост количества учащихся. Принимая все это во внимание, мы получим увеличение расходов на образование не в пять, а всего лишь в три раза. И опять же. Чтобы понять значение такого увеличения, необходимо сравнить затраты на просвещение с другими странами. (Я уж не говорю о качестве просвещения церковноприходских школ.). И т.д. Получается, что часто дело не в цифрах, а в их интерпретациях. Поэтому в данном издании главные добавления к книжке связаны с более подробными интерпретациями тех или иных факторов развития России.

Как уже было сказано выше, мне пришлось прочитать дополнительную литературу по данной теме. На этот раз не только западных авторов, но и работы национал-патриотов. Естественно, их антикоммунистическая позиция не могла не сказаться на качестве их творений. Ложь, подтасовки, фальсификация являются обычным «научным» методом их анализа. И пусть не смущают читателя их научные титулы: антикоммунист по природе параноик и невежда. Примерами такого типа «ученых» являются В. Мединский и Н. Нарочницкая, критический анализ работ которых я поместил в Приложении, а не в основной текст, дабы не отвлекать внимание читателей от существа темы.

Хотя основной текст остался прежним, я, тем не менее, изменил название, чтобы не было путаницы с предыдущим изданием. Тем более что мне пришлось

переструктурировать многие части работы и добавить дополнительные главки. В частности, о науке и просвещении, о бюджете царской России (последняя — в целях подсчета внешнеполитического потенциала страны). Но, повторяю, главное изменение в книжке — это расширенная интерпретация цифр и объяснение на понятийном уровне важнейших терминов, которые используются при определении развития страны. Для русских это особенно важно. Потому что только русские могут умудриться об одном и том же явлении делать противоположные выводы. Например, для одних итоги Русско-японской войны являются поражением, для других — победой. Точно так же и в отношении результатов «холодной войны». Не говоря уже о результатах недавней войны с Грузией. Все это оттого, что для русского мышления не свойственна объективность, которая может строиться только на строгом понятийном уровне. Русские оценивают события эмоциями, чувствами. Для них важна «правда», а не истина. Опять же названное качество одни интерпретируют как сильную сторону русского человека, другие — как слабую. Где критерий?

Я же буду исходить из выведенных мной критериев и понятий в оценке царской России «до большевиков». Посмотрим, что из этого получится.

Апрель 2009 г.

Нью-Йорк

Введение

Среди искренних сторонников капиталистического пути развития в России сложилось убеждение, что в период с 1861 по 1917 г. царская Россия бурно развивалась, тем самым как бы демонстрируя возможности стать «нормальной» капиталистической страной. И если бы, дескать, не большевики с их «октябрьским переворотом», то Россия могла бы встать в ряд «цивилизованных» государств и составить часть нынешнего «золотого миллиарда».

Идеологический подтекст сторонников подобных рассуждений сводится к тому, что нечего искать какой-то особенный, скажем, «третий путь» для России, а надо продолжить поиск оптимального варианта с тем, чтобы как минимум удержать страну на капиталистических рельсах, а как максимум — углубить капитализм, поскольку до октября 1917 г. мы-де неплохо шли по этому пути. Некоторые же, особенно среди официальных национал-патриотов, умудряются даже утверждать, что Россия не просто «неплохо» развивалась, а опережала все страны, включая ненавистные им западные государства.

В ответ же на простой вопрос, почему же, несмотря на это, капиталистический путь развития привел к социалистической революции, отвечают по-разному. Одни — что большевикам «помогла» Первая мировая война, другие — что революция вообще произошла случайно (по А.Н. Яковлеву, «произошла незаконно»), третьи — вообще никак не отвечают.

В любом случае отечественная политическая литература, посвященная данному периоду, описывает умных капиталистов и политических деятелей царской России (Путилов, Пуришкевич, Витте, Столыпин, Милюков, Керенский, Гучков и др.), радеющих о благе народа и отечества. Ну а царя Николая II вообще объявили чуть ли не святым, перезахоронение останков которого превратили чуть ли не во всемирно-историческое событие.

Из всей этой литературы я так и не смог выяснить, почему все-таки, несмотря на такое скопище умных людей в правящей элите царской России, в стране произошли три революции. Если из-за войн, почему аналогичных революций не происходило в Англии, Франции, Германии (в последней, правда, была небольшая революционная вспышка в 1918 г., но это уже как реакция на российскую революцию 1917 г.)? Почему такой «случайности» не случилось в других странах капитализма? Почему мы проиграли войну с Японией и почему втянулись в Первую мировую войну?

Ответы на эти вопросы можно найти в официальной партийно-исторической литературе советского периода. Однако из-за очень большой нелюбви ко всему советскому периоду наши демократы-либералы и национал-патриоты тут же укажут, что вся эта литература сфальсифицирована. Но если это и так, то «сфальсифицирована» она в пользу ... нынешних радетелей капитализма. Дело в том, что в советской литературе подробно описано именно бурное развитие капитализма в России, особенно в период 1880–1914 гг. Это было необходимо для того, чтобы доказать естественность социалистической революции. Партийным ученым надо было показать, что капитализм породил пролетариат, который в соответствии с марксистскими взглядами и похоронил своего «родителя». На самом деле, по моему убеждению, капитализм в России начал уничтожать не пролетариат, а сам капитализм в процессе разрушения России как суверенного государства. Другими словами, мой тезис таков: развитие капитализма в России ведет к уничтожению российского народа и распаду государства. Пролетариат же или во всяком случае силы, совершившие революцию в октябре 1917 г., добив капитализм, спасли Россию. И хотя не эта тема является главной в данной книге, но обоснование этой идеи должно объяснять причины взлета и падения Российского/Советского государства с точки зрения его места и роли в системе международных отношений.

Совершенно естественно, когда каждый автор обращается к той литературе, которая подтверждает его идеи. Я в принципе не верю в объективных авторов и вообще в объективность общественных наук. Все они идеологизированы. Поэтому для обоснования своих идей было бы логично и для меня обращаться к авторам левого, социал-демократического или коммунистического направления. Время от времени я действительно буду использовать их работы, но главным образом только для «заимствования» у них статистического материала. В основном же я намерен эксплуатировать литературу идеологически враждебную мне, ту, что мы когда-то называли «буржуазной». Как известно, она бывает двух видов: откровенно апологетичная и объективистская. И та и другая ее разновидности, как ни покажется странным, работает на подтверждение моих тезисов, в чем читатель будет иметь возможность убедиться в последующем.

Довольно часто мне придется обращаться также к западным источникам. Не потому, что я в них нахожу что-то оригинальное и новое, а только потому, что наши прозападники питают к ним естественный пиетет.

Но самыми главными моими аргументами будут цифры, к которым пиетет питаю я. Их обилие, может быть, кого-то и испугает. Тем более что русский человек более привык

к словам. Думаю, пора привыкать и к цифрам, которые зачастую бывают красноречивее слов.

У меня уже был случай привести данные, свидетельствующие о реальном социально-экономическом положении в России того периода, однако они не вызвали «антиресу». Когда я однажды обнародовал их на одном из Круглых столов в Фонде Горбачева, мне просто не поверили. А цифры такие.

За 1880–1916 гг. умерло не менее 158 млн детей, из них при последнем царе — 96,8 млн. Если добавить к ним взрослое население, не дожившее до среднестатистического уровня продолжительности жизни, то общая цифра вырастет до 176 млн человек.

В годы революций и бунтов было убито 3 млн человек, в Русско-японскую войну — 1 млн, считая и тех, кто умер от ран и в плену. В Первую мировую войну убито, умерло от ран, голода и холода еще 7,9 млн человек.

От производственных травм, отравлений и самоубийств, по официальной статистике тех лет, ежегодно погибало 3–4 млн человек, в результате за 36 предреволюционных лет общая цифра потерь составила 108–144 млн человек.

В целом в 1880-1916 гг. от голода, болезней, убийств, войн, производственных травм Россия потеряла около 308 млн человек¹.

Цифры умопомрачительные. Они развенчивают миф об успешном развитии капитализма. Но поскольку их «откопала» левая газета «Борьба», то веры им нет. Так прореагировали демократические читатели моей книги «Россия в стратегическом капкане»². Что ж. Попробуем обратиться к другим источникам.

¹ Борьба. 1995, №12, с. 3.

² В Приложении я решил поместить всю статью из «Борьбы» с некоторыми комментариями относительно тех или иных цифр и источников.

Процветающая Россия «до большевиков»

Для начала в качестве примера, приведу гимн развитию России «до большевиков», воспетый на страницах толстой монографии Хеллера и Некрича. Со ссылкой на французского экономического обозревателя Эдмонда Тэри они рассказывают: за пятилетний период 1908–1912 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием производство угля увеличилось на 79,3%, железа — на 24,8, стали — на 45,9%. С 1900 по 1913 г. выпуск продукции тяжелой промышленности возрос на 74,1% даже с учетом инфляции. Сеть железных дорог расширилась с 24 тыс. км в 1890 г. до 61 тыс. в 1915 г.¹. «Промышленный прогресс помог сократить зависимость России от иностранного капитала», — не удержались отметить авторы. И неслучайно, поскольку это весьма большая тема. Дело в том, что степень зависимости от иностранного капитала определяла поведение царизма внутри страны и на международной арене. Поэтому демократы и прокапиталисты пытаются доказать, что иностранная зависимость хотя и была, но не столь значительна, чтобы оказывать большое влияние на поведение правящего лагеря.

Хеллер и Некрич в этой связи «ловят» советских авторов на противоречиях. Так, они пишут, что в учебнике «История СССР. Эпоха социализма» (М., 1975, с. 16) сказано о «специфическом весе» иностранного капитала, который достигал к 1914 г. 47% российской экономики, а в книге Л.М. Спирина «Классы и партии в гражданской войне в России» (М., 1968, с.36) говорится, что иностранные инвестиции составляли около «одной трети всех инвестиций» (р. 15–16). Чтобы углубить тезис о небольшой зависимости, Хеллер и Некрич, ссылаясь на английского писателя Нормана Стоуна («Восточный фронт. 1914–1917». Лондон, 1975, с. 18) пишут, что перед Первой мировой войной иностранные инвестиции упали с 50% в период 1904–1905 гг. до 12,5% в 1913 г. (р. 16).

Честно говоря, у меня не было желания перепроверить указанные источники. Но опытный читатель сразу обнаружит фальсификацию в терминах: зависимость от иностранного капитала не равна зависимости от иностранных инвестиций. В первом случае капитал может распространяться в том числе и на банковскую сферу, во втором случае имеются в виду только инвестиции в промышленность. Но поскольку для

¹ Heller, Nekrich, p. 15. (Полное библиографическое описание использованных работ см. в помещенной в конце брошюры Библиографии).

простого читателя разницы нет, на что и рассчитывали авторы (а может быть, действительно они и сами не различали эти термины), то дело сделано.

Большое значение авторы придают факту вывоза зерна как свидетельству процветания царской России. Цифры: с 1908 по 1912 г. по сравнению с предыдущей пятилеткой урожай пшеницы вырос на 37,5%, ржи — на 2,4, ячменя — на 62,2, овса — на 20,9, кукурузы — на 44,8% (р. 16). В хорошие урожайные годы (1909 и 1910) экспорт пшеницы достигал 40% мирового экспорта этой культуры. Даже в плохие годы (1908 и 1912) он составлял 11,5% (*ibid.*).

Ниже я вернусь к этой теме. А пока еще цифры.

Хеллер и Некрич подчеркивают успехи России в сфере образования. В 1908 г. был принят закон об обязательном начальном образовании. Расходы правительства на образование увеличились с 1902 по 1912 г. на 216,2%. В 1915 г. 51% всех детей от 8 до 11 лет посещали школу, а 68% армейских новобранцев умели читать и писать (*ibid.*).

Затем Хеллер и Некрич, со ссылкой на советских авторов, пишут, что, когда началась война (которая для всех оказалась почему-то неожиданной), а российская армия терпела поражения из-за плохого генералитета, правительства, вооружений и т.д., промышленность тем не менее продолжала развиваться (1913 г. = 100%, 1914 г. — 101,2, 1915 г. — 113,7, 1916 г. — 121,5%) (р. 21).

Несмотря на всю эту динамику, революция произошла: из-за плохого царского правительства, оппозиционных партий, нерешительности Временного правительства и, конечно, из-за большевиков. Другими словами, экономика капитализма развивалась хорошо, но началась война, и правительство не смогло справиться ни с войной, ни с революциями. Такой вариант описания событий является одним из самых распространенных как на Западе, так и в национал-буржуазной литературе современной России. Причем, естественно, не анализируется социально-политическое положение ни рабочих, ни крестьян. Смакование личной жизни царя и его семьи для таких аналитиков представляется более интересным.

На самом деле все приведенные цифры могут иметь какой-то смысл только при сравнении с другими странами, игравшими ключевые роли в мировой политике. Речь идет о пятерке государств Европы (Великобритания, Германия, Франция, Австро-Венгрия и Италия) и США, определявших структуру и динамику международных отношений в начале XX века. Моя задача как раз и заключается в том, чтобы выяснить, как мы смотрелись на фоне названных государств, т.е. определить для начала место, а затем и роль России в мировой политике, которая в то время фактически была сконцентрирована на Европе.

Но и этого недостаточно. Все превращается в болтовню, если не определены термины «развитие», «прогресс», «мощь», «сила», «место» и «роль». Все эти вещи давно расписаны у меня в теории международных отношений. Но поскольку обычно читатели исторических работ не знакомы с этой теорией, я по ходу изложения буду давать понятийные формулировки названных терминов без доказательств, которые были приведены в других моих работах¹.

Итак, для начала определим место России в мире перед Первой мировой войной.

¹ Для интересующихся теорией международных отношений см.: Алиев, с. 13–16, 165–168, 283–285; Арин.

Мощь России и ее место в мире в начале XX века

Предварительные замечания

Для того чтобы выяснить место России в мире, поначалу надо определиться с термином «место» применительно к международным отношениям. Смысл этого термина зависит от поля исследования объекта. Обычно таковыми являются геоэкономическое, геостратегическое и социальное поля. В геоэкономическом пространстве «место» означает порядковый номер «веса», или сравнительной «мощи» государства, которая вычисляется как совокупный экономический потенциал той или иной страны. В укороченной формулировке **мощь** (die Macht, might) — *это материально-техническая база государства*¹.

Косвенно «место» может воздействовать и на геостратегическое (силовое) поле, даже находясь в состоянии «бездействия» (т.е. отсутствия внешней политики). Например, неподвижные горы не инициируют движение воздушных потоков, однако в зависимости от их высоты и месторасположения происходят различные изменения в направлении этих потоков. Ветры ведут себя по-разному в районе Эвереста, Эльбруса и Валдайской возвышенности. Государство с ВВП в 5 трлн долл. может вообще не проводить внешней политики, однако международная система так или иначе будет реагировать на сам факт существования ТАКОГО государства. Другими словами, хотя «место» и не встроено в геостратегическое пространство, оно объективно может воздействовать на структуру и систему международных отношений и на этом поле.

В социальном плане «место» государства отражает формационную суть общества (естественно, если придерживаться марксистской терминологии). Оно определяется через категории «капитализм» и «социализм». Если же базироваться на внеклассовом подходе, на основе буржуазной политологии, тогда социальное «место» будет определяться типом государства (авторитарное, либеральное, демократическое, диктаторское и т.д.) или типом экономики (аграрная, индустриальная, постиндустриальная/софтизированная/, развитая, неразвитая и т.д.). В данной главе нас интересует «место» России в геоэкономическом пространстве.

¹ Не следует путать понятие «место» с понятием «роль» государства, о котором речь пойдет в соответствующей главе.

При определении места или мощи России в начале XX века любой автор сразу же сталкивается с трудностями статистического характера. В те времена отсутствовала наука под названием «сравнительная статистика» (по-ученому, «компаративистика»), а значит, и единая сравнительная методология. Поэтому сравнению подвергались не так много макропоказателей, причем в сводных таблицах обычно отсутствовала Россия. И дело не только в плохой статистической базе в самой России. Как утверждает современный специалист по сравнительному анализу В.А. Мельянец, «проблемы экономического развития России столь сложны и, как это ни парадоксально, столь недостаточно разработаны в аспекте практических измерений динамики роста, что требуют ряда специальных исследований» (с. 228).

В правоте данного суждения мне пришлось убедиться на собственном опыте, когда я перелопачивал массы статистических материалов того периода. И все же кое-что удалось собрать из западных и советско/российских источников. Между прочим, немало данных я почерпнул из ленинских «Тетрадей по империализму», в которых собрана наиболее полная статистическая фактура по всем основным странам мира, частично использованная им в его знаменитой работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». (В скобках отмечу, что настоящие марксисты вообще любят статистику в отличие от буржуазных политологов, предпочитающих словеса.) Из современных статматериалов я внимательно просмотрел вышедший в 1995 г. (но значительно позже появившийся в Интернете) статистический справочник по России за 1913 г. Как ни странно, в нем, за редким исключением, почти не было данных, которые я уже не использовал. В целом же, хотя собранный мной статистический материал все же неполный, он, надеюсь, поможет ответить на вопросы, которые я намереваюсь проанализировать в данной главе.

Хочу также информировать читателя вот о чем. В общемировой практике экономический потенциал страны (т.е. мощь), фиксирующий ее место в мире, принято определять через ряд макроиндикаторов, среди которых наиболее распространенными являются следующие: 1) валовой внутренний продукт (ВВП) или валовой национальный продукт (ВНП) — обобщающий экономический индикатор, 2) ВВП на душу населения — относительный показатель уровня жизни, 3) темпы роста ВВП — динамика развития экономики, 4) продолжительность жизни населения — отражает ряд показателей (уровень жизни, здравоохранение, детская смертность, качество жизни и т.д.), 5) военные расходы — степень вовлеченности в борьбу за геостратегическое господство, 6) внешняя торговля — степень вовлеченности в геоэкономическое пространство (мировую экономику).

Должно быть понятно, что по такой полной программе данных по России на дореволюционные годы нет, поэтому будем исходить из того, что имеется. Сразу же

оговариваюсь, что в те времена не пользовались индикатором ВВП, его заменял объем промышленного производства.

Развитие капитализма в России до 1917 г.

Поначалу определим «мощь» России. Цифры утверждают, что Россия действительно после 1861 г. (освобождения крестьян) начала выходить из феодального застоя, а с начала 1880-х годов — бурно входить в капитализм. Динамику демонстрировали все отрасли промышленности, внешняя торговля и даже в какой-то степени наша постоянная боль — сельское хозяйство. В этой связи приводят массу впечатляющих цифр. Есть смысл их напомнить.

Англичанин Дж. Гренвилл, автор толстенной книги «История мира в двадцатом столетии», воспроизводит такой ряд показателей (см. табл. 1).

Таблица 1. *Российское производство (среднегодовые данные)*

	1880–1884	1900–1904	1910–1913
Ж/дороги (км)	22 865 (1880)	53 234 (1900)	70 156 (1913)
Хлопок (тыс. тонн)	127,6 (1879–1884)	281,2 (1895–1904)	388,5 (1905–1913)
Чугун (в чушках) (тыс. тонн)	477,0	2 773,0	3 870,0
Сталь (млн тонн)	0,25	2,35	4,20
Нефть (тыс. тонн)	764,0	10 794,0	10 625,0
Уголь, вкл. бурый (млн тонн)	3,7	17,3	30,2

Источник: Grenville, p. 54.

Советский автор — П.А. Хромов в многочисленных своих работах дает детальную картину экономического развития России до 1917 г. В одной из них собрана обширнейшая экономическая статистика¹. Воспользуемся ею, добавив к предыдущей таблице еще некоторые цифры.

¹ Хромов, 1950.

Таблица 2. Некоторые макропоказатели экономики России							
Годы	население	чугун	уголь	золото	ж/д	внешняя торговля	
	млн чел.	млн пудов	млн пудов	в т чист. металла	тыс. км	экспорт	импорт
						млн рублей	
1861	73,6	23,5	19,5	24,4	2,2	177,2	167,1
1900	132,9	986,3	179,1	38,8	53,2	716,2	626,4
1913	170,9	2200,1	283	49,2	70,2	1520,1	2316,7
1917	184,6	1749,9	190,5	30,9	81,1	463,9	2316,7

Источник: Хромов, 1950, с. 452–455.

Динамика действительно впечатляющая. За годы после освобождения крестьян происходил экономический рост России, т.е. ее мощи. Теперь рассмотрим, каков вес этой мощи, т.е. место России в мире.

Объем промышленного производства. Таблица 3 дает определенное представление о месте России среди основных государств Европы и США по главным на то время видам промышленного производства.

Таблица 3. Производство основных видов продукции
(среднегодовые данные), 1910–1913 гг.

	Германия	Англия	Франция	Италия	Австро-Венгрия	США	Россия
Население (млн), 1910 г.	64,9	45,0	39,2	34,7	52,4	97,6	132,1
Чугун (в чушках) (млн тонн)	14,8	9,8	4,7	0,4	2,2	30,2	3,9
Сталь (млн тонн)	15,34	6,94	4,09	0,83	2,46	...	4,20
Уголь, вкл. бурый (млн тонн)	251,5	292,0	39,9	...	50,7	450,2	30,2
Ж/дороги (1913) (в тыс. км)	63,7	37,7	51,2	17,6	46,2	410,9	62,2

Источник: Grenville, p.16, 24–25, 33, 53–54. Столбец по США, а также строка «Ж/дороги» — Ленин. Тетради по империализму. Т. 28, с. 462–463, 468.

По совокупному объему промышленного производства Россия стояла на пятом месте в мире после США, Германии, Великобритании и Франции. Но это пятое место не должно обольщать, поскольку отрыв от ведущих держав был весьма значительный. По оценкам

Кенвуда и Логхиды, в 1913 г. на Россию приходилось 4,4% мирового промышленного производства, тогда как на США — 35,8%, Германию — 14,3, Великобританию — 14,1, Францию — 7,0%. Вместе с тем Россия обгоняла Японию, доля которой составляла 1,2% (р. 171).

При этом следует подчеркнуть, что у различных авторов степень отставания России от западных стран трактуется по-разному (в зависимости от источника и метода подсчета), однако общая тенденция выражена у всех одинаково: Россия существенно отставала от остальных ведущих держав мира. Вот один из примеров «других» подсчетов. В.А. Копырин (думаю, что он же А. Брусилов), исходя из статистических ежегодников по России, изданных до 1917 г., пишет: «Вообще место страны — доля в мировом производстве в 1913 году (наиболее благополучном для России благодаря невиданному урожаю — 86 млн тонн зерна) составляла 1,72 проц. в то же время доля США — 20 проц., Англии — 18; Германии — 9, Франции — 7,2 (все эти страны имели население в 2–3 раза меньше российского!)»¹.

Между прочим, следует отметить и такой многозначительный факт. Как отмечают авторы «Всемирной истории», «доля России в мировом промышленном производстве в 1913 г. была ниже, чем в 1901 г. Огромная страна с неисчислимыми природными богатствами и многомиллионным населением занимала пятое место в мире по выплавке стали и шестое по добыче угля, пятнадцатое по производству электроэнергии» (с. 465). Вот тебе и «развитие»!

Продукция на душу населения. В этом пункте ситуация была значительно хуже. По оценкам Майкла Корта, разрыв в доходах России на душу населения по сравнению с «европейскими соперниками» увеличивался, а не уменьшался. «За 50 лет (1860–1910) Россия по данному жизненно важному измерению индустриального прогресса не смогла обойти даже Испанию и Италию — наименее развитые державы того времени (в Европе. — О.А.)» (р. 79). По его же подсчетам: «В 1900 г. продукция на душу населения в России была равна 1/8 от США и 1/6 от Германии; перед войной эти цифры соответственно были 1/10 и 1/8. В 1913 г. Россия производила 1/10 угля и почти наполовину меньше стали, чем Великобритания, страна с населением вдвое меньшим, чем у России. Более половины промышленного оборудования империи все еще импортировалось» (ibid., p. 80).

Если же прибегнуть к специальной методике У.А. Льюиса (при которой промышленное производство США берется за 100), то окажется, что производство на душу населения в России в 1917 г. соответствовало 9, то есть она находилась на 22-м месте, уступая своим

¹ Копырин.

вассальным государствам Финляндии (27), Польше (13), а также таким странам, как Чили, Аргентина. У Японии этот индекс в то время был равен 6¹.

Любопытно, что цифры В.А. Копырина, вычисленные иначе, близки к вышеприведенным. Копырин/Брусилов пишет: «По размерам валового национального продукта (ВНП) на душу населения (далее все показатели будут приводиться в этом измерении) страна отставала от США в 9,5 раза; от Англии — в 4,5; от Канады — в 4; от Германии — в 3,5; от Франции, Бельгии, Дании, Голландии, Австралии, Новой Зеландии, Испании — в 3 раза; от Австро-Венгрии в 2 раза и т.д. Только на 15–20 проц. Россия превосходила тогда Японию. По национальному богатству отставала от США в 7 раз; от Англии, Франции — в 5 раз; от Германии — в 4 раза и т.д.»². Данные других авторов близки к этим. К примеру, в монографии В. Галина читаем: «...в удельных показателях на душу населения промышленное производство в России в 1913 г. было почти в 3 раза ниже, чем во Франции, и в 7 раз ниже, чем в США» (с. 352).

Все названные цифры даны без учета сельскохозяйственной мощи России. Весьма странно, но эта мощь довольно скупо представлена даже в справочнике 1913 г. Вернее, цифр много, но нет обобщающих по динамике объема производства сельскохозяйственной продукции (есть только за 1913 г.). Тем не менее кое-какие цифры все-таки имеются, и есть смысл их привести.

Но для начала приведу официальную оценку ситуации в сельском хозяйстве России. В одном из отчетов говорится: «В отношении производительности и культурности сельского хозяйства Россия, несмотря на свои природные богатства, далеко отстала от других стран, достигших в этом отношении значительных успехов, благодаря затрате на обработку сельскохозяйственных угодий большого количества труда и капитала и применения усовершенствованных орудий и систем хозяйства. По данным одного из французских статистических сборников (*Statistique Agricole de la France*), в среднем урожайность главных хлебов, исчисленная для 8 государств (Германии, Франции, Великобритании, Бельгии, Соединенных Штатов, Канады и Австралии, а также России), выше урожайности в России: для пшеницы на 48,5%, ржи на 57,1%, ячменя на 34,3%, овса на 50,3% и картофеля на 69%. Сравнение это окажется для России еще невыгоднее, если взять некоторые специальные культуры и промышленные растения и, в особенности, животноводство»³.

¹ См.: Kenwood, Loughheed, p. 128.

² Копырин; Брусилов. (Пересчет тогдашних макропоказателей на ВНП является очень сложной процедурой.)

³ Из «Объяснительной записки к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1910 год» (СПб., 1911, с. 120–121). — Россия 1913 год.

Таблица 4. *Средняя урожайность главнейших хлебов* и внесение искусственных удобрений (пудов на дес.)*

Страна	Урожайность хлебов в 1908-1912 гг.	Внесено удобрений в 1910 г.
Бельгия	147	21,4
Голландия	146	10,5
Дания	145	3,1
Швейцария	136	3,4
Англия	131	4,5
Германия	129	8,8
Швеция	114	2,5
Австрия	85	1,7
Франция	83	3,2
Италия	82	3,0
Венгрия	80	1,0
Испания	70	0,9
Румыния	65	0,06
Португалия	57	1,8
Россия	53	0,39
Сербия	50	0,01
Новая Зеландия	151	нет сведений
Канада	126	2,7
Япония	104	0,24
США	84	5,2
Австралия	74	3,5

*Под главнейшими хлебами имеются в виду пшеница, рожь, овес, кукуруза, горох и бобы.

Источник: Труды совещания 20–22 мая 1915 г. с участием представителей науки, земских и общественных учреждений. Пг., 1915, с. 422–425.

Таблица 4 красноречиво показывает «достижения и успехи» России в области сельского хозяйства.

А вот как оценивает ситуацию немецкий специалист по России Дитрих Гэйер: ««Количественные исследования убедительно показали, что структурная слабость российской экономики не была преодолена промышленным бумом, вызванным прежде всего желанием России быть великой мировой державой. Сельское хозяйство оставалось доминирующим сектором, и здесь прирост отставал от промышленности, несмотря на высокую степень инвестиций (в 1913 г. 11,6% национального дохода), по которой Россию опережали только США и Германия (соответственно 13 и 14 %)» (р. 271).

* * *

Суммируя, следует сказать, что по абсолютной экономической массе (мощи) Россия в начале XX века (на 1913 г.) занимала пятое место в мире. В принципе это не так уж и плохо, имея в виду десятки других государств мира. С этой же точки зрения ее,

несмотря на большое отставание от «пятерки», можно отнести к разряду великих держав в традиционном смысле слова (принимая во внимание к тому же и военный потенциал, к которому мы еще вернемся).

В то же время по относительным показателям (на душу населения) Россия фактически отставала почти от всех европейских государств, что делало ее абсолютную мощь крайне хрупкой и ненадежной.

При этом следует учитывать, что если применять современный термин «полюс» к началу XX века (многие невольно его используют), то в те времена единственным «полюсом», причем именно мировым, были США. Чтобы понять это, надо знать, что *в геоэкономическом пространстве в качестве глобального или регионального полюса выступает субъект, превосходящий по своей экономической мощи все другие субъекты данного пространства и экономический потенциал которого как минимум в 2 раза выше потенциала следующего за ним субъекта*. Таким качеством обладали только США, которые опережали следующую за ними Германию более чем в 2 раза. В Европе экономических «полюсов» вообще не было, поскольку потенциалы Германии и Англии были приблизительно равны. Там существовала так называемая многополярность, чреватая войной.

А теперь рассмотрим другие индикаторы, имеющие отношение к месту государства в мире.

Бюджет России начала XX века

Изучение бюджета любой страны может дать значительно более полное представление о государстве, чем чтение десятков научных, тем более журналистских книг. Бюджет дает информацию о таких вещах, как уровень науки, образования, здоровья, социального развития; тип государства (демократический, авторитарный), хорошо высвечивающийся по строкам Министерства внутренних дел, степень его бюрократичности (затраты на гос. учреждения и администрацию), степень вовлеченности в международные дела и на какой основе она зиждется (через расходы на Министерство внешней торговли и промышленности, МИД и военные министерства) и т.д. Отсутствие тех или иных статей в бюджете или их засекреченность также говорит о характере государства. Например, в России уже в те времена многие статьи военного бюджета держались в секрете. Как отмечают западные специалисты по истории России того периода, «даже создание парламентских институтов в 1906 г. практически не исправило положение»¹.

Итак, для начала рассмотрим российский бюджет начала XX века в абсолютных цифрах и динамике (табл. 5).

Таблица 5. Правительственные расходы, 1900 -1913 (млн руб.)											
Мин-ва	Военное	Морское	Транспорт	Финансов	Образования	Внутренних дел	Гос.долги	Торг. и промыш.	Всего	Чрезв. расходы*	Итого**
1900	332	89	367	280	34	88	267		1,599	284	1,883
1901	335	93	389	308	33	89	227		1,665	209	1,874
1902	343	100	446	334	37	94	290		1,802	365	2,167
1903	351	114	456	366	39	100	289		1,883	225	2,108
1904	372	113	449	350	42	106	298		1,907	831	2,738
1905	378	117	449	339	43	114	307		1,925	1,280	3,205
1906	393	112	477	353	44	136	357	32	2,061	1,152	3,213
1907	406	88	508	429	46	140	374	32	2,196	387	2,583
1908	463	93	571	432	53	147	398	33	2,388	273	2,661
1909	473	92	551	460	64	156	395	39	2,451	156	2,607
1910	485	113	537	409	80	160	409	39	2,473	124	2,597
1911	498	121	543	403	98	168	399	42	2,536	310	2,846
1912	528	176	555	425	118	179	394	54	2,722	449	3,171
1913	581	245	641	482	143	185	424	65	3,094	289	3,383
1914	427	214	705	446	154	207	366	60	2,927	1,938	4,865
* - включает выплату долгов (842 млн руб., 1900-14), политика на кит. направлении, война с Японией (2,787 млн руб.), гос. ж/дороги (1,976 млн руб.) и официально признанные затраты на перевооружение (2,301 млн руб., 1908-14).											
** - включают следующие министерства и департаменты, не обозначенные отдельно: мин-во имперского двора, Синод, мин-ва юстиции, иностранных дел, землеустройства, гос. контроля.											
Источник: Хромов, 1950, сс. 524-529.											

¹ Gatrel, p. 155.

Теперь рассмотрим пропорции (доли) тех или иных статей бюджета. Они даются в таблицах ленинградцев в работе «Россия 1913 г.»¹.

Таблица 6. *Расходная часть обыкновенного бюджета России за 1900 и 1913 гг. по ведомствам и министерствам*

Статьи расходов	Годы				В % к
	1900		1913		1900 г.
	млн руб.	%	млн руб.	%	
Министерство императорского двора	12,9	0,9	17,4	0,6	134,9
Высшие государственные учреждения	3,9	0,3	9,4	0,3	241,0
Синод	22,3	1,5	45,7	1,5	204,9
Министерство внутренних дел	83,6	5,7	185,4	6,0	221,8
Министерство финансов	264,9	18,1	482,3	15,6	182,1
Министерство юстиции	44,5	3,0	90,6	2,9	203,6
Министерство иностранных дел	5,4	0,4	11,5	0,4	212,9
Министерство народного просвещения	30,1	2,1	143,1	4,6	475,4
Министерство путей сообщения	296,5	20,3	640,7	20,7	216,1
Министерство торговли и промышленности (создано в 1905 г.)			64,6	2,1	
Главное управление землеустройства и земледелия	39,0	2,7	135,8	4,4	348,2
Главное управление государственного коннозаводства	1,8	0,1	3,3	0,1	183,3
Военное министерство*	300,9	20,6	581,1	18,8	193,1
Морское министерство	78,7	5,5	244,8	7,9	311,1
Государственный контроль	7,7	0,5	12,1	0,4	157,1
Платежи по займам	267,0	18,3	424,4	13,7	158,9
Итого	1459,3	100	3094,2	100	212,0

Источник.: Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1902 г. СПб., 1903, с.37–45; То же. Вып. 1915 г. Пг., 1915, с.36–38.

*Часть расходов Военного министерства числилась по Главному Интендантскому управлению (в 1913 г. 387,1 млн руб.). Прямые военные расходы России с учетом «чрезвычайного бюджета» и расходов военного характера, проходивших по сметам гражданских ведомств, оценивались в 1913 г. в 965 млн руб. (28,5% от общей суммы расходов). Возрастание военных расходов в 1913 г. по сравнению с 1900 г. (данные за

¹ Из-за множества ошибок мне пришлось пересчитать их таблицы и внести исправления.

этот год в обыкновенном бюджете занижены, т.к. расходы по подавлению «боксерского» восстания в Китае в 1900 г. были проведены по «чрезвычайному бюджету») объясняется реализацией принятых в канун Первой мировой войны военных программ.

Для полноты картины представим еще одну таблицу, которая, в несколько иной группировке, показывает характер царского режима.

Таблица 7. Структура расходной части государственного бюджета России в 1900 и 1913 гг.*

Статьи расходов	Годы			
	1900		1913	
	млн руб	%	млн руб.	%
Непроизводительные расходы				
1) Военные расходы	483	25,6	965	28,5
2) Расходы по государственному долгу:				
а) по железнодорожным займам	112	5,9	142	4,2
б) по займам на «общие гос. потребности»	205	10,8	282	8,3
Итого платежи по займам	317	16,7	424	12,5
в том числе платежи за границу	130	6,7	183	5,4
3) Расходы на содержание полицейско-административного аппарата	151	7,9	295	8,7
4) Расходы по сбору налогов	187	9,8	297	8,8
5) Прочие расходы	40	1,6	23	0,6
Итого	1168	61,8	2004	59,1
Производительные и социально-культурные расходы:				
Вложения в государственные имущества и предприятия	572	30,2	1108	32,7
Бюджетные вложения в частный сектор	104	5,6	98	2,9
Расходы на просвещение	34	1,8	143	4,3
Прочие расходы	11	0,5	30	0,9
Итого	721	38,2	1379	40,8
Всего	1889	100	3383	100

*Таблица составлена Ю.Н. Шебалдиным по данным «Отчетов государственного контроля» за 1900 и 1913 гг. (См.: Шебалдин Ю.Н. Государственный бюджет царской России в начале XX в. — Исторические записки. Т.65. М., 1959, с. 190).

Не читая никакой литературы, только исходя из данных расходной части бюджета, можно смело предполагать, что перед нами милитаризованное государство авторитарного типа, о чем свидетельствуют расходы на «войну» и содержание государственного аппарата, включая Министерство внутренних дел. Отсутствие позиций по здравоохранению и социальным программам свидетельствует о том, что эти сферы не занимали значимых мест в политике царского правительства. Расходы на

просвещение — единственная строка, имеющая отношение к непосредственным интересам народа. Минимальные затраты на Министерство иностранных дел подсказывают, что международные проблемы Россия предпочитала решать военным путем, а не дипломатическим. Представленный бюджет не дает точной картины финансовой зависимости России от иностранных государств, поскольку многие статьи по выплатам-долгам проходили в рамках «чрезвычайного бюджета». Тем не менее общая картина вырисовывается. А теперь рассмотрим многие позиции отдельно и подробнее.

Наука и просвещение

Просвещение. Уровень просвещения — важнейший показатель потенциала нации. Относительно царской России на эту тему распространялось и распространяется много спекуляций в том смысле, что при царе чуть ли не каждый крестьянин умел читать и писать (см., например, работы В. Мединского). На самом деле ситуация была иной, хотя следует признать определенный прогресс в этой сфере, причем только после 1910 г. Между прочим, любопытный факт: на рубеже веков, в 1900 г., затраты на образование достигали 2,1% от всего бюджета, а в 1804 г. они были равны 2,6%.

У Брокгауза и Ефрона есть сравнительные цифры на конец века: на просвещение в 1897 г. было затрачено 26 476 тыс. руб., что составляло 2% от всего бюджета. Это намного меньше, чем в основных европейских странах того периода, если иметь в виду затраты на «душу» (в Англии — 2 р. 84 коп., во Франции — 2 р. 11 коп., в Пруссии — 1 р. 89 коп., в Австрии — 64 коп, в Венгрии — 55 коп., в России — 21 коп.)¹.

В России 1896 г. было 52 высших учебных заведения (без Финляндии). В 1893–1894 гг. в них училось 25 166 человек, из них женщин 983, т.е. 4%. В 1896 г. в начальных классах училось 3 801 133 человека при населении 126 369 000 человек. «На основании этих данных, — указывается в справочнике „Россия: Энциклопедический словарь“, — можно принять 3 за показатель начального образования для *всей* России». Для Соединенных Штатов этот показатель был равен 21 (с. 400).

Подробную информацию об образовании дает статистический справочник «Россия 1913 год». В одном из отчетов, приведенных справочником, говорилось: всеобщая перепись населения империи 1897 г. обнаружила всего лишь 21% грамотных. Этот процент повышается в Привислянском крае до 30,5%, собственно же в Европейской России без Привислянских губерний и Кавказа составляет 22,9%...но в 24 губерниях из 50 Европейской России число грамотных еще уменьшалось, не достигая 20%. Среди них

¹ Россия: Энциклопедический словарь, с. 206.

был целый ряд центральных губерний с коренным русским населением: Вологодская, Воронежская, Калужская, Курская, Орловская, Пензенская, Симбирская, Смоленская, Тамбовская и, наконец, Псковская, занимавшая в 1897 г. последнее место по грамотности населения (14,6%). Высокий процент грамотных, 70–80%, дали три Прибалтийские губернии, за ними шли столичные губернии, С.-Петербургская — 55%, Московская — 40%. В остальных губерниях Европейской России оказалось менее 30% умеющих читать.

У Г. Вернадского несколько иные данные, хотя существенно и не расходящиеся с вышеприведенными. Он указывает и динамику. Пишет: «На дату проведения переписи 1897 года только 24% населения империи старше 10 лет могли читать и писать. В 1914 году аналогичных лиц было уже около 45%» (с. 252). «Число учащихся начальных школ с 1894 по 1914 год увеличилось с 3.275.362 до 8 млн человек». Он также добавляет: «В российских университетах в 1912 году насчитывалось 137 000 студентов обоего пола» (с. 277, 253).

Действительно, к 1913 г. суммы на образование увеличились, достигнув 4,6% от бюджета (143 074 тыс. руб.). При тогдашнем общем населении империи в 170,9 млн чел. это означало увеличение затрат на образование до 84 коп. на душу, то есть рост в 3,4 раза. В целом же, по современным уточненным данным, к началу века около 30% взрослого населения было грамотным¹. Опять же надо иметь в виду, что в основных государствах Европы и Америки грамотным было 90% населения. И Россия в смысле образования практически отставала от всех стран Европы, США и Японии.

Литература. Для некоторых, возможно, могут оказаться любопытными и следующие данные. Какая литература выпускалась в конце XIX в.? Оказывается, за пятилетие (1890–1894) тематика книг распределялась следующим образом: богословие — 13,13%, произведения словесности (художественная литература по-нынешнему) — 12,19, справочные издания — 9,13, учебники — 8,43, медицина — 7, история русская и всеобщая — 6,29, издания для народа — 5,22, политические науки, финансы, статистика, коммерция и пр. — 4,88, правоведение — 3,44, издания для детей — 3,16, естествознание — 2,71... философия — 0,63%². Богословы явно били философов. Продолжали они бить их и в 1913 г. В этом году по религии было выпущено 1764 наименования тиражом в 5 731 935 экз., по философии — 111 наименований тиражом 198 801 экз.³.

¹ Независимая газета. 01.04. 1999.

² Россия: Энциклопедический словарь, с. 417.

³ Россия 1913 год.

Наука. О достижениях русских ученых национал-патриотами сложено мифов-легенд не меньше, чем о грамотности русского народа. Некоторые, типа В. Мединского, пытаясь преувеличить их количество, подсчитывают и тех ученых, которые эмигрировали из России. Другие, несмотря на свой антисемитизм, причисляют к русским и евреев, например Илью Мечникова, или обрусевших французов или немцев (т.е. иммигрантов, которых следовало бы, по их логике, отнести к ученым тех стран, где они родились). Причем ни те ни другие вообще не оговаривают критерии, на основании которых относят того или иного человека к ученым.

На самом деле с наукой и учеными в России до большевистской революции ситуация была весьма неблагоприятной. Объективную картину в этой сфере можно почерпнуть из уникальной монографии Чарльза Мёрэя «Достижения человечества», в которой он проанализировал ситуацию в науке в основных странах мира на протяжении от 800 г. до н.э. до 1950 г. Технология его анализа и подсчета подробно изложена в моей монографии «Общество: прогресс и сила», поэтому здесь повторяться не буду. Приведу только результаты его анализа по российским ученым, ограничиваясь периодом до 1917 г. Он выделил в ряде научных областей ученых, сделавших крупные открытия. Картина получается следующая. В области астрономии из 124 ученых фигурирует только один русский — М. Ломоносов (благодаря его исследованиям атмосферы вокруг Венеры). В биологии из 193 ученых русских двое (Дм. Ивановский и Ф. Левене). Химия: из 204 ученых русских четверо (Д. Менделеев, А. Бутлеров, В. Оствальд, В. Марковников). Землеведение: из 85 ученых русский один (Э. Ленц). Физика: из 218 — двое русских (П. Лебедев, А. Попов). Математика: из 191 — русских четверо (Н. Лобачевский, С. Ковалевская, П. Чебышев, А. Марков). Медицина: из 160 — один русский (К. Клаус). Технология: из 239 — двое русских (К. Циолковский, А. Попов — он упоминается дважды).

В особом списке у Мёрэя «наиболее выдающиеся» ученые, которые входят в «двадцатку» наипервейших. В этом списке обозначен в разделе «химия» только Менделеев. Обращает на себя внимание и то, что до Ломоносова ни один из русских ученых не попал в поле зрения мировой науки.

Хочу подчеркнуть, что работа Мёрэя, пожалуй, единственная вообще в таком роде, а главное, что она не идеологизирована. У него совершенно не было намерений игнорировать или унижать какую-либо страну. Хотя и есть некоторые изъяны в методологии анализа степени «значительности» научного события или конкретного ученого, тем не менее способ подсчета Мёрэя на сегодняшний день следует признать самым объективным. И данные этой книги подтверждают в общем-то очевидный факт, что Россия до революции уступала всем европейским странам и США на поприще науки.

Два слова о Д.И. Менделееве. Его открытие периодической системы, без сомнения, является одним из выдающихся событий в области химии. В данной сфере он действительно великий ученый. Однако его работы в области экономики, которые некоторые оценивают очень высоко, носят дилетантский характер, в чем можно убедиться, прочитав его книгу «Заветные мысли». К этому следует добавить и политическую близорукость Менделеева, которая становится особенно очевидной в связи с его оценками прогрессивности капитализма вообще, а российского в частности, перед самой революцией 1905 г. Только улыбку вызывают его оценки перспективы Русско-японской войны. Это так же, как и с Л. Толстым, который в эпилоге «Войны и мира» философствовал о мировой истории. И. Тургенев в связи с этим писал П. Анненкову: «Беда, если самоучка принимается философствовать, как это делает Толстой». Таким же самоучкой в экономике был и Менделеев. Хотя собранный им материал, в частности о внешней торговле, имеет весьма полезный прикладной характер, а некоторые суждения относительно китайско-русских отношений вызывают приятное удивление.

* * *

Обычно в контексте науки, просвещения говорят и об искусстве, литературе. Вот в этих-то сферах Россия точно была впереди всех! Много раз читал подобные суждения.

В этой связи надо иметь в виду следующее. Не отрицая великих свершений русских писателей и деятелей искусства («золотой век», «серебряный век»), можно тем не менее затеять спор, кто выше, кто ниже: Шекспир, Гете или Пушкин, Моцарт, Бетховен или Чайковский и т.д. Проблема же в том, что не только национально значимые писатели, художники или композиторы, но даже всемирно известные вряд ли играли какую-нибудь роль с точки зрения прогресса человечества вообще или той или иной страны в частности. В свое время эта мысль мне показалась дикой. До тех пор, пока я не занялся теорией прогресса. После изучения этой темы, теперь она мне кажется естественной. Ну, скажем, какое влияние оказал Моцарт или Шекспир на развитие Японии или Китая? Или великие творения японского поэта Басё, или китайского поэта Су Дун-по на состояние мозгов европейцев? Думаю, что никакого. В то время как изобретения и открытия в области науки и техники, если и не сразу, со временем, непременно оказывают влияние на развитие и конкретных государств, и всего человечества.

Иначе говоря, в контексте анализа реального места и роли царской России в мире тема искусства и литературы неуместна, и посему этот сюжет здесь не представлен.

Здравоохранение

Уровень и состояние здравоохранения являются одним из важнейших показателей развития общества¹. В нем преломляется уровень развития не только науки и медицины, образования, но и культуры нации. В неменьшей степени он отражает и социальный характер общества. Например, в современных США, несмотря на высокий уровень науки и медицины, чуть ли не четверть населения не охвачена медицинским обслуживанием, что ведет к существенному разрыву между верхами и низами в главном критерии развития общества — средней продолжительности жизни. В царской же России контрасты были еще разительнее. Статистика тех лет не давала цифр, демонстрирующих «бреши» между богатыми и бедными. Однако она постоянно показывала разницу в данной сфере между Россией и другими странами, главным образом европейскими.

Так, в книге с любопытным названием «Рабская душа России» американский русолог Даниель Ранкур-Лаферьер пишет: «В XVIII веке, по оценке Михаила Ломоносова, ежегодно половина из 500 000 детей умирали, не дожив до трех лет. Дэвид Л. Ранзел собрал статистику, демонстрирующую, что почти половина детей, рожденных во второй половине XIX века, умирали не прожив пяти лет» (р. 73).

Что любопытно — оказывается, смерть детей «простым народом» не рассматривалась как трагедия. Фольклористка Антонина Мартынова обнаружила, что из собранных ею 1800 колыбельных песен в 80 выражено желание матери, чтобы ее ребенок умер. Вот небольшой отрывок из такой песни.

Баю, баю да люли!
Хоть теперь умри,
Завтра у матери
Кисель да блины —
То поминки твои.

А теперь более подробная статистика. Так, в энциклопедии Брокгауза и Ефрона приводятся такие цифры. В России на конец XIX века на 1 000 человек населения в год умирало 35 человек, в скандинавских странах — 17, в Англии — 19, во Франции — 22, в Германии — 24 человека. До 5-летнего возраста в России доживало 550 детей из 1000 родившихся; в Западной Европе — более 700.

От острозаразных болезней в Европейской части России в 1893–1895 гг. на 100 000 человек в год умирало 555, далее по убывающей: в Австрии — 350, в Бельгии — 244, ...в Ирландии — 102,5. Мы — на 10-м месте. На 1 млн населения у нас в эти годы было 155

¹ В современной социологической науке данный индикатор входит в качестве одной из составляющих в индекс человеческого развития.

врачей, тогда как в Норвегии и Австрии (худшие показатели после России) 275 врачей, а в Англии — 578¹.

Естественно, определенный прогресс в области здравоохранения наблюдался и в России, но ее отставание от европейских государств сохранялось. В одном из документов того времени говорится:

«Труды, вложенные в дело охранения народного здоровья, не остаются без положительных результатов. По имеющимся статистическим данным, смертность от заразных болезней, не считая холеры и чумы, достигавшая в пятилетие 1901–1905 гг. в среднем 579 случаев в год на 100 тыс. населения, понизилась в 1906–1910 гг. до 529. Несмотря, однако, на наблюдаемое таким образом некоторое улучшение общего состояния народного здоровья, Россия в этом отношении все еще остается позади большинства государств Западной Европы. Так, например, в Англии, Германии, Франции, Швеции и Норвегии число смертных исходов от заразных болезней в 1909–1910 гг. не превышало 100 случаев на 100 тыс. населения в год»².

А вот ответ на одну из книг В. Мединского, где он издевался над английскими «кранами» и фантазировал о российских банях. В еще одном документе начала XX века фиксировалось:

«Согласно собранным в отчетном году данным о положении водоснабжения и удаления нечистот в городах и негородских пунктах, в коих число жителей превышает 10 тыс. чел., водопроводы общественного пользования имеются лишь в 190 из 1078 населенных пунктов; только при 58 из них устроены фильтры или иные приспособления для очищения воды. Между тем, например, в Германии в городах с населением свыше 20 тыс. жителей устроены водопроводы в 98 поселениях из 100, из городов с населением от 5 до 20 тыс. имеются водопроводы в 74 пунктах из 100. Сплавная канализация у нас существует лишь в 13 городах и устраивается в 3-х. В большинстве остальных поселений удаление нечистот поставлено весьма неудовлетворительно. При этом существующие устройства в некоторых городах находятся в антисанитарном состоянии. В результате обследования городов Киева, Харькова, Ростова-на-Дону и С.-Петербурга в 1907–1910 гг. оказалось, что одною из причин широкого распространения эпидемий тифа и холеры было загрязнение водопровода сточными водами»³.

¹ Россия: Энциклопедический словарь, с. 224–225.

² Россия 1913 год.

³ Там же.

Такие цифры можно приводить бесконечно. Но и так должно быть ясно, что система здравоохранения в царской России была поставлено из рук вон плохо. И даже несмотря на прогресс в этой сфере, Россия далеко отставала от западноевропейских стран.

Внешняя торговля

Масштабы внешнеэкономической деятельности являются главным критерием всей международной политики страны. С одной стороны, они показывают глубину вовлеченности государства в мировые отношения, с другой — возможности того или иного государства определять геоэкономическую структуру мировых экономических отношений. Рассмотрим, как с этих позиций смотрелась царская Россия. (В разбираемые годы внешнеэкономическая деятельность фактически означала внешнюю торговлю.)

Для этого нам надо зафиксировать два момента: 1) торговые приоритеты России по странам и регионам; 2) ее удельный вес в мировой торговле, т.е. ее ранг (место) как торговой державы.

Для начала обратимся к данным Энциклопедического словаря. В нем указывается, что в 1802–1804 гг. (с этого времени впервые появилась статистика по внешней торговле) товаров вывозилось в среднем на 51 577 тыс. руб. (при этом на Азию приходилось 10%), импортировалось же в среднем на 34 116 тыс. руб. (доля Азии составляла 17%). В конце XIX века, в 1895–1897 гг., всего в среднем вывозилось товаров на сумму 701 426 тыс. руб. (в Азию — на сумму 73 713 тыс. руб., т.е. 10,5%); привозилось за то же трехлетие в среднем на 562 773 тыс. руб. (в т.ч. из Азии — на 62 219 тыс. руб., или 11%) (с. 331).

Импорт сократился за счет Бухары и Персии, т.к. ввозимые из этих государств товары стали изготавливаться в самой России или привозиться из Европы и Америки, например хлопок. Торговля в основном велась с Германией, Великобританией и Францией (их совокупная доля составляла около 60%). Затем шли Бельгия, Голландия и Соединенные Штаты. Раньше, до объединения Германии, на первом месте находилась Англия.

Приоритеты во внешней торговле на конец XIX века представлены в табл. 8.

Таблица 8. *Внешняя торговля России по странам в 1896–1898 годы (в %)*

Место	Страна	Экспорт	Страна	Импорт
1	Германия	25,1	Германия	32,4
2	Англия	21,1	Англия	18,8
3	Голландия	10,7	США	9,3

4	Франция	8,9	Китай	6,9
5	Италия	5,7	Франция	4,3
10	Китай	0,8		
12	США	0,3		

Источник: Хромов, 1963, с. 211, 216.

Динамика внешней торговли России в начале XX века представлена в табл. 9.

Таблица 9. Структура экспорта и импорта по странам (в %)

Страны	1901 г.	1913 г.	1917 г.	1901 г.	1913 г.	1917 г.
	Вывоз			Ввоз		
Западной Европы						
Англия	21	18	51	17	13	34
Германия	23	30	0	36	47	0
Франция	8	7	11	5	4	10
Швеция	0	1	3	0	1	4
Норвегия	0	0	1	0	1	2
Австрия	4	4	0	4	3	0
Голландия	11	12	0	1	2	0
Швейцария	0	0	0	0	0	0
Дания	3	2	1	1	1	0
Финляндия	5	4	28	4	4	9
Румыния	0	1	0	0	0	0
Прочие	8	10	0	3	3	0
Итого	83	89	94	71	78	61
Азии						
Китай	1	2	0	8	6	1
Япония	0	0	0	0	0	8
Турция	3	2	0	1	1	0
Персия	3	4	0	4	3	0
Афганистан	0	0	0	0	0	0
Ост-Индия	0	0	0	0	3	0
Всего	7	9	0	14	15	8
Америки						
США	1	1	6	6	6	30
Прочие	0	0	0	0	0	0
Итого	1	1	6	6	6	30
Остальные страны	9	1	0	10	2	0
Всего	100	100	100	100	100	100

Подсчитано по: Хромов, 1950, с.490–493.

Необходимо обратить внимание на региональное распределение торговли: ее пропорции сохранялись на протяжении всего двадцатого столетия, за исключением периодов войн, в которые была вовлечена Россия, а затем СССР.

Любопытна таблица Д.И. Менделеева по внешней торговле, которой он уделил пристальное внимание в своих «Заветных мыслях». Он писал: «Цифры даны в миллионах франков, и мы их начнем с 1800 г. и укажем не только для всего мира, но и для России, Германии, Англии и С.-А. С. Штатов».

Таблица 10. Сумма отпуски и привоза по внешней торговле
(в млн франков)

Год	Весь мир	Россия	Германия	Великобритания	С.-А.С. Штаты
1800	7 146	287 (4,0)	908	1 690	429
1820	8 538	493 (5,8)	1 009	1 866	580
1840	14 263	664 (4,7)	1 311	2 875	1034
1860	37 630	2 288 (6,1)	2 379	9 458	3 430
1870	54 823	2 153 (3,9)	5 347	13 795	4 161
1880	76 077	2 889 (3,8)	7 415	17 604	7 768
1890	83 898	3 191 (3,8)	9 213	18 877	8 469
1898	93 789	3 601 (3,8)	11 624	19 293	9 464

Источник: Менделеев, с. 104, 105.

Примечание: В скобках — доля России в мировой торговле в процентах (подсчитано мной).

Исходя из этой таблицы, Менделеев делал такой вывод: «Отсюда следует заключить, что современное мировое производство в среднем на каждого жителя всей Земли дает более 130 руб. в год, а так как, судя по сумме существующих статистических сведений, относящихся к России, можно с уверенностью утверждать, что среднее на жителя годовое производство менее 130 руб., то и очевидно, что *в своей производительности мы отстали не только от передовых, богатых стран, но даже и от общего среднего мирового производства* (курсив мой. — О.А.). Это очевидно и по нашему отпуску, который на жителя дает цифру гораздо меньшую, чем средняя для всего мира» (с. 124).

Интересна также его реакция по поводу экспорта хлеба во времена царской России (и по поводу которого ликуют современные антисоветчики: дескать, кормили всю Европу). Эта «кормежка» в России аукалась, по мнению Менделеева, следующим образом: «На основании этого к числу моих заветнейших мыслей относится то соображение, что вывозимый Россией хлеб по настоящее время *уменьшает*, а не увеличивает „блага народное“» (с. 127). И еще: «С этим хлебным вывозом Россия должна остаться, судя по всему вышесказанному, страной бедною, временами голодающею и уже вследствие этого с малым развитием просвещения и всей гражданственности. Не тут, очевидно, ключ к возможности прочного развития „блага народного“» (с. 132).

Я же хочу обратить внимание на следующее: Россия не только отставала от основных акторов XIX века по удельному весу в мировой торговле, но что еще более интересно, ее удельный вес после пика в 1860 г. к концу XIX века снизился. Другими словами, несмотря на абсолютное увеличение внешней торговли России за сто лет почти в 12,5 раза, темпы мировой торговли возрастали еще быстрее (в 13,1 раза). Это происходило, с одной стороны, за счет подключения новых торговых субъектов, с другой — еще более быстрых темпов роста торговли старых государств: Германии (в 12,8) и особенно США (в 22 раза).

Другие источники дают несколько иные цифры, которые, правда, не меняют общих тенденций. Для чистоты анализа приведем и эти цифры. Для начала из работы Хромова. Из них также вытекает, что, несмотря на рост внешней торговли России, удельный вес ее в международном обороте к концу девятнадцатого столетия не только не увеличился, но даже снизился (с 3,6% в 1850 г. до 3,4% в 1899 г.)¹. Хотя в энциклопедии Брокгауза и Ефрона дается иная оценка. В ней указывается, что торговый оборот всемирного рынка в конце XIX века был равен 33,5 млрд руб., из которых на Великобританию приходилось 20%, на Германию — 11, на Соединенные Штаты — 10, на Францию — 8, на Голландию — 7%. Россия находилась на шестом месте — 6%. Затем шли Австро-Венгрия (5%), Бельгия (5), Индия Британская (4), Италия (3,5), Бразилия (3), Китай (2,5%)².

Необходимо обратить внимание на протекционистский характер внешнеторговой политики правительства. Как пишет Хромов: «Период промышленного капитализма в России характеризуется усилением протекционистской системы — таможенное обложение ввозимых товаров возрастало. В 1857–1868 годах ценность пошлин к стоимости импортируемых товаров составляла 17,6 проц.; в 1869–1876 годах — 12,8 проц., в 1881–1884 годах — 18,7 проц., в 1885–1890 годах — 28,3 проц., в 1891–1900 годах — 33 процента»³. Необходимо напомнить, что в 1891 г. в России был введен специальный «охранительный» (протекционистский) тариф.

Внешнеторговая политика царизма, в том числе в области «таможенных обложений», критиковалась многими тогдашними экспертами (включая Д.И. Менделеева). Но для выводов в этой сфере важно то, что, во-первых, торгово-экономическое направление во внешней политике царской России не было приоритетным. Об этом говорит даже такой косвенный факт, как то, что на Министерство внешней торговли правительство выделяло всего 2,1% расходной части

¹ Хромов, 1963, с. 202.

² См.: Россия: Энциклопедический словарь, с. 331.

³ Хромов, 1963, с. 223.

бюджета, в то время как на Военное министерство и Морское вкпе — 26,7% (по бюджету 1913 г.). Во-вторых, с долей от 4 до 6% в мировой торговле Россия не могла влиять на структуру мировых экономических отношений. Последняя фактически определялась тройкой государств — Великобританией, Германией и США. Тем не менее, если не изображать из тогдашней России сверхдержаву, то и 6-е место можно считать весьма приличным.

Военный потенциал России

Главным стимулятором и одновременно потребителем экономических успехов России в то время была военная сфера. Страна имела самую многочисленную сухопутную армию в мире и превосходила все государства по расходам на военный потенциал относительно бюджета. Таблицы 11 и 12 дают представление о численности сухопутных армий и объемах военных расходов основных государств Европы на конец XIX века.

Таблица 11. *Численность европейских армий в 1899 г.*

Государство	В мирное время		В военное время	
	всего, тыс. чел.	% к населению	всего, тыс. чел.	% к населению
Россия	946	0,84	2729	2,41
Германия	521	1,08	2370	4,8
Франция	552	1,31	2005	4,77
Австро-Венгрия	317	0,73	1159	2,71
Англия	382	0,62	900	1,95
Италия	249	0,86	1164	3,86

Источник: Россия: Энциклопедический словарь, с. 176.

Таблица 12. *Военные расходы (сухопутные силы) основных государств Европы в 1897 г.*

Государство	Сумма, млн руб.	В среднем на душу населения, руб.
Россия	284	2,5
Англия	229	5,76
Австро-Венгрия	169	3,81
Германия	291	5,57
Италия	91	2,91
Франция	236	5,76

Источник: Россия: Энциклопедический словарь, с. 179–180.

В 1899 г. военные расходы составляли 27,8% всего бюджета. В последующем этот уровень (более 25%) сохранялся, причем если затраты на содержание сухопутных сил с 1880 г. сокращались, то по линии Морского министерства неуклонно увеличивались. Для

сравнения: в 1897 г. у Англии военные расходы составляли 40% бюджета, а у Франции — 27,6%¹.

Правда, в то время Россия продолжала уступать основным морским державам по количеству военных кораблей, т.е. шла за Великобританией, Францией, Италией, Испанией, но опережала Соединенные Штаты, а также Японию (что не помешало русским проиграть войну самураям). По расходам на флот Россия опережала только Германию, Италию и Австрию, уступая всем остальным.

Перед Первой мировой войной Россия уже превосходила по совокупным военным расходам и численности сухопутных войск каждую из крупнейших стран Европы, продолжая, правда, уступать по расходам на ВМФ. Таблицы 13 и 14 демонстрируют военную мощь царизма в конце XIX — начале XX в.

Таблица 13. *Расходы на сухопутные войска и флот (в млн франков)*

Страна	1883 г.		1908 г.	
	сухопутные войска	флот	сухопутные войска	флот
Германия	458	46	1068	436
Англия	432	270	676	811
Франция	584	780	205	320
Россия	772	122	1280	231

Источник: Эдмонд Тэри. Экономическая Европа. Париж, 1911; Ленин. Тетради по империализму. Т. 28, с. 181.

Таблица 14. *Численность армии и военные расходы в 1914 году*

Страна	Численность армии (млн чел.)	Военные расходы (млн ф. ст.; за 6 месяцев)
Россия	5,4	490
Франция	4,0	365
Англия	1,0	90
Германия	4,35	395
Австро-Венгрия	3,5	320

Источник: The Economist. 09. 01. 1915, p. 51.

В табл. 14 обращают на себя внимание минимальные цифры для Англии, привыкшей загребать жар чужими руками.

Надо признать, что военному строительству в России отдавался приоритет на протяжении всей ее истории со времен Петра I. Так, Г. Вернадский приводит такие

¹ См.: Россия: Энциклопедический словарь, с. 205.

цифры: «В 1725 году — году смерти Петра — 60% бюджета России тратилось на армию и военный флот» (с. 176). Далее он пишет: «Расходы на армию возросли, но их пропорции к общим затратам сильно уменьшились. Военные расходы в 1725 году составляли 65% всего бюджета, который в том году выражался в 9 100 000 руб. В 1801 году пропорция уменьшилась до 50%, а в 1850 году — до 42% общих расходов (284 000 и 500 000). Таким образом, можно сказать, что бюджет России становился менее милитаризованным. Это облегчало правительству заботу о средствах снабжения армии» (с. 180).

Можно, конечно, добавить, что к 1913 г. доля военных расходов уменьшилась еще более, до 26,7%. На самом деле они значительно превосходили 30% бюджета не только по отдельным годам (в 1907 г. — 33–36%, в 1911 г. — 33%), но и в целом за период 1900–1914 гг., поскольку многие военные статьи, по утверждению Министерства финансов, проходили по другим министерствам (например, транспорта), но по статье «чрезвычайные расходы». Английский исследователь Питер Гатрел указывает: ««Эти статьи (по рубрике военных министерств. — *О.А.*), равно как и расходы на корм для большого количества армейских лошадей, продолжают (как и прежде) абсорбировать около половины всего бюджета» (р. 140)¹.

Другими словами, российский бюджет начиная с Петра I оставался вплоть до 1914 г. самым «милитаризованным» по сравнению с другими основными державами мира.

Конечно, этому есть объяснение. Татаро-монгольское нашествие, от которого Россия освобождалась чуть ли не сто лет, постоянно требовало усиления военной мощи государства, которое, с другой стороны, стало использоваться (уже при Петре) в целях расширения империи. Кроме того, для устроения тех веков военная мощь всегда ассоциировалась с силой государства. Наконец, российские правители, начиная с Петра, всегда воспринимали Россию как «великую державу», идея, психологически подкрепляемая громадной территорией. «Великая же держава» обязана быть великой и в военном отношении. Наконец, Россия впитала в себя идею великой ответственности за всех славян, породив своего рода концепцию панславизма. Она предполагала оказание постоянной помощи братьям-славянам, в основном на Балканах, куда Россия вступала не столько ради геостратегических или экономических интересов, сколько ради интересов всех славян. Как справедливо пишет немецкий ученый Дитрих Гэйер, «было само собой разумеющимся, что Россия все еще несла „историческую ответственность“». Такой традиционный взгляд объяснял несомненный приоритет балканской политики,

¹ Весьма подробно и убедительно бремя военных расходов и вообще военной политики для населения страны показано в монографии В. Галина в главе «Брестский мир (Мобилизационная нагрузка)».

включая весь спектр турецкого вопроса» (р. 294). Все эти факторы сохранились до настоящего времени.

Возвращаясь к началу XX века, следует подчеркнуть, что военное строительство России находилось в руках иностранцев и в значительно большей степени отвечало коммерческим и стратегическим интересам европейских держав, нежели интересам России.

Очень важна таблица 15. В ней представлены расходы и их доли в совокупном бюджете основных министерств царской России.

Таблица 15. Государственные расходы (в тыс. руб., ассигнованных до 1840 г., далее — серебряных, с 1881 г. — в тыс. руб.; в скобках — доля в % от всего бюджета)

Год	Всего	М-во просв.	МИД	Военное м-во	Морское м-во
1804	122 163	3 181 (2,6)	1 443 (1,2)	41 942 (34,3)	10 742 (8,8)
1850	287 187	2 810 (1,0)	1 986 (0,7)	103 045 (35,9)	17 911 (6,2)
1860	438 239	3 495 (0,8)	2 196 (0,5)	106 655 (24,3)	22 144 (5,1)
1870	481 764	10 284 (2,1)	2 490 (0,5)	145 211 (30,1)	20 135 (4,2)
1880	694 505	16 861 (2,4)	4 787 (0,7)	208 576 (30,0)	29 354 (4,2)
1890	877 789	22 639 (2,6)	4 811 (0,5)	228 110 (26,6)	40 693 (4,6)
1900	1 599 186	33 596 (2,1)	5 390 (0,3)	331 541 (20,7)	88 561 (5,5)
1913	3 094 248	143 074 (4,6)	11 500 (0,4)	581 100 (18,8)	244 847 (7,9)

Источник: Хромов, 1950, с. 446, 450, 514, 515, 518, 519, 524–527.

Необходимо обратить внимание прежде всего на расходы по линии МИД. Они всегда меркли на фоне военных расходов, что подтверждает аксиоматический тезис: болтовня стоит значительно дешевле, чем реальная военная сила, которая и определяет в конечном счете роль государства в мире. При абсолютном увеличении средств на содержание МИД с 1804 по 1913 г. их удельный вес в бюджете падал, скатившись с 1,2% при Александре I до 0,4% при Николае II.

Вместе с тем эти цифры дают возможность в обобщенной форме подсчитать внешнеполитический потенциал России.

Итак, *внешнеполитический потенциал (ВПП) государства есть суммарный ресурс, затрачиваемый на проведение внешней политики.* Львиная доля этого ресурса обычно приходится на военные расходы. (В ВПП входят также расходы на внешнеэкономическую деятельность, разведку, внешнюю пропаганду.) Если мы к процентам, приведенным в табл. 15, добавим военные статьи, разбросанные по другим ведомостям (исходя из утверждений Министерства финансов), отбрасывая экстремальные годы Русско-японской войны, ВПП России с учетом затрат на международную деятельность (по строке «Министерство иностранных дел») в 1900–1914 гг. будет составлять приблизительно от 35 до 40% расходной части бюджета. У основных европейских государств (Великобритания, Германия и Франция) предвоенный ВПП равнялся примерно 25% от бюджета, хотя и превосходил российский по абсолютным показателям (поскольку их бюджет превосходил по общей сумме). О чем говорят эти цифры?

России, чтобы играть роль великой державы, необходимо было в значительно большей степени, чем другим великим державам, тратить средства на «войну», тем самым урезая статьи расходов на мирные цели внутреннего развития страны (образование, здравоохранение, наука, социальные расходы и т.д.). Специфика же России заключалась в том, что этот «милитаризированный» бюджет опирался на слабую по сравнению с другими великими державами экономику. Она, как мы помним, находилась на пятом месте в мире, но это по абсолютным показателям. По относительным — фактически на последнем среди не только великих, но и не очень великих держав. Иначе говоря, такой бюджет создавал в некоторой степени образ России как великой державы в ущерб развитию страны. Здесь возникает противоречие между ВПП и экономической мощью. Если ВПП не приносит добавочную стоимость в совокупный экономический потенциал государства, то его надо вычитать из экономической мощи государства. То есть эта мощь ослабевает. Чаще всего это происходит, когда сам ВПП направляется на цели, которые противоречат или не имеют отношения к интересам государства. Например, проигрыш в Русско-японской войне стоил России не только геостратегических и людских потерь на Дальнем Востоке (мы к этому еще вернемся), но и чисто экономических, равных затратам на эту войну в сумме 2 млрд 787 млн руб. Все финансовые и экономические затраты на ведение балканских войн, которые вела Россия во второй половине XIX века, тоже можно вычеркнуть из экономической мощи страны. Это не считая возможности их использования в мирных целях внутри России. Поскольку никаких реальных интересов в этой зоне, кроме как идеи-фикс защиты братьев-славян (никогда не устававших предавать русских), у России не было. Громадный ВПП, создающий иллюзию великой державы, подрывает

экономическую мощь страны, обрекает ее в лучшем случае на замедленное развитие. Это еще обосновано в критические моменты (угроза войны), но не в мирное время. И если ВПП, опирающийся на слабую экономическую базу, будет превышать 30% совокупного бюджета, то он обязательно разрушит государство. В России это происходило дважды: в 1917 и в 1991 гг. (тогда ВПП доходил до 50% бюджета). Ныне ВПП России уже перевалил за 35%. История ничему не учит русских.

С формальной же точки зрения в начале XX века по своему военному потенциалу Россия входила в пятерку ведущих стран мира.

Социально-экономическое положение населения в России

В советской исторической литературе можно обнаружить море публикаций, в которых освещается тяжелое положение трудящихся, особенно крестьян, в царской России. «Все это вранье и пропаганда», — утверждают российские демократы и начинают рассказывать байки про то, как хорошо жилось при царе Горохе. Удивительно то, что в эти байки верил и великий русский ученый Д.И. Менделеев¹. В своих «Заветных мыслях» он умудрился написать такое:

«Суждение мое о том, что русский народ за это время в целом много *побогател* (как вообще, так и на одного, т. е. в среднем), основано на ряде всяческих статистических данных, начиная с чисел о миллиарде мелких народных сбережений, вложенных в сберегательные (сохранные) кассы, о числе выпущенных акций и облигаций, о запасах золота в кладовых государственного банка, о величине торговых оборотов, о количестве грузов, движущихся по железным дорогам и водным путям, о ценности земель и услуг и т. п. Все это выразимо цифрами, *но не привожу их*, потому что считаю достаточно известными всем, только недостаточно принимаемыми во внимание. Откуда же, спрашивается, и в частных разговорах, и в газетно-журнальных статьях столь часто, явно или в темных намеках, происходит утверждение, будто народ наш начал беднеть?» (с. 212; курсив мой. — О.А.).

Менделеев полагал, что народ «побогател». Однако ж в пользу подобного умозаключения цифр не привел. Да их и нет. Но есть элементарные факты. Эти строки были написаны Менделеевым в марте 1904 г., менее чем за год до начала Первой русской революции. С чего бы это «побогатевший» народ затеял революцию? Наверное, кто-то и «побогател». Весь вопрос: кто?

Посмотрим, как оценивают «хорошую жизнь» до революции ученые западных стран.

Для начала напомним, что по закону от 2 июня 1887 г. продолжительность рабочего времени определялась в 11,5 часа. И эти рамки практически не изменились до 1917 г. Правда, в законе от 24 апреля 1890 г. читаем такие примечательные строки: «Воспрещается понижать заработную плату, сокращать число рабочих дней в неделю и число рабочих часов, изменять правила срочной работы прежде окончания срока

¹ Удивительно также и то, что совсем не ученый, а писатель, правда, великий, Лев Толстой в те же годы мог заявить следующее: «Народ голоден оттого, что мы слишком сыты». Реальная же картина крестьянской жизни детально описана в письмах из деревни А.Н. Энгельгардтом (см. Библиографию).

договоров с рабочими или без предупреждения рабочих, нанятых на неопределенный срок, за две недели до введения предположенных изменений. Воспрещается расплачиваться с рабочими хлебом, товаром, купонами и другими предметами вместо денег. Выдача рабочим заработной платы должна производиться не реже одного или двух раз в месяц, причем из платежей рабочим воспрещается производить вычеты для уплаты их долгов»¹.

У меня сразу же возникло предложение восстановить этот абзац в нынешнем законе о труде. А то получается, что нынешняя «демократическая» Россия откатилась назад более чем на 100 лет. Кстати сказать, знаменитый Ленский расстрел, когда было убито 170 человек и 400 ранено, был вызван тем, что рабочие потребовали от администрации (которая, между прочим, контролировалась англичанами) сократить свой рабочий день, длившийся с 5 утра до 7 вечера.

Хотя темпы развития сельского хозяйства в 1900–1913 гг. ускорились, однако средний русский вряд ли это заметил. В немалой степени из-за увеличения экспорта зерна перед войной. Как отмечает М. Корт: «Скорее всего, средний русский в 1914 г. имел не больше еды, чем в 1860 г.» (р. 80).

Вот, например, как описывает положение крестьян профессор Эмиль Джозеф Дилон, живший в России в 1877–1914 гг.: «Русский крестьянин ложится спать в шесть и даже в пять часов зимой, т.к. у него нет денег купить керосин для керосинки. У него нет мяса, нет яиц, нет масла, нет молока, часто нет капусты, и живет он в основном за счет черного хлеба и картошки. Живет? Голодает от недостаточного количества всего этого»². Как же быть с байками о процветании России до революции? Супруги Сидней и Беатриса Уэбб, известные английские социалисты, изучив положение крестьян в России, делают такой вывод: «Большинство крестьян в 1900 г. жили, как крестьяне Франции и Бельгии в XIV веке» (р. 236).

Опять же, если было все так хорошо, с чего бы это так стремительно набирали темпы забастовки, количество которых возрастало с каждым годом: в 1912 г. в них участвовало более 725 тыс. рабочих, в 1913 г. — 887 тыс., а в первой половине 1914 г. — 1 250 тыс. из 3 млн рабочих³.

Но вернемся к более раннему периоду. Существует избитый аргумент в пользу процветающей царской России на основе тезиса о том, что она поставляла зерно в громадных количествах (см. тех же Некрича и Хеллера). Это действительно было так. Проблема в том, какой ценой и ради чего осуществлялись эти поставки. Главная цель

¹ Россия: Энциклопедический словарь, с. 281.

² Цит. по: Webb, p. 809.

³ Kort, p. 79.

безжалостного вывоза зерна заключалась в том, чтобы добиться сбалансированного бюджета. Даже в голодный год 15% урожая зерна могло быть экспортировано. Поэтому неудивительно, что европейская общественность с неприязнью обзывала эти поставки «starvation exports». Министр финансов И.А. Вышнеградский говорил: «Мы должны экспортировать, даже если мы умрем». Русские крестьяне делали и то, и другое¹.

В прекрасной работе С. Кара-Мурзы о Столыпине отмечается: «До 1917 г. весь прибавочный продукт нещадно изымался из села („недоедим, а вывезем“). Все мало-мальски развитые страны, производившие менее 500 кг зерна на душу населения, зерно *ввозили*. Россия в рекордный 1913 г. имела 471 кг зерна на душу — и *вывозила* очень много зерна — за счет внутреннего потребления, причем именно крестьян. Даже в 1911 г., в год исключительно тяжелого голода, было вывезено 53,4% всего зерна — больше и относительно, и тем более абсолютно, чем в годы предыдущего пятилетия».

Однако все это не помогало избегать финансовых кризисов даже в период правления С. Витте, которому приписывают заслугу в урегулировании финансов. Корт подчеркивает: «Его карьера как финансового министра закончилась тем же, чем и началась: Россия в глубоком кризисе. Россия голодала, когда он занял свой пост министра в 1892 г. В 1903 г., когда он покинул свой пост, южные части России охватила серия забастовок, большая часть Центральной России испытала годом раньше вооруженные выступления крестьян, и вся страна находилась в двух годах от настоящего, хотя и неуспешного, революционного взрыва»².

Известно, что интересы крестьянства в то время выражала в основном партия эсеров. Причем в форме террора против правительственных чиновников. За период 1906–1910 гг. было уничтожено 4000 царских бюрократов. В ответ на это реформатор Столыпин инициировал официальный террор по всей стране. Военно-полевые суды судили и исполняли приговор в течение 24 часов.

Эти «военно-полевые суды» уничтожили более 1000 человек между августом 1906 и апрелем 1907 г., и это всего лишь небольшая доля уничтоженных правительством между 1905 и 1908 гг.³. А вот уточненные данные советского историка. В. Архипенко в предисловии к книге М.К. Касвинова пишет: «Только к апрелю 1906 г., по официальным данным, было расстреляно и повешено 14 тыс. человек. В 1907 и 1908 гг. приговорено к смертной казни еще более 5 тыс.» (с. 14).

А вот данные, которые приводит С. Кара-Мурза. Он пишет: «Поклонникам Столыпина надо помнить, что только военно-окружными судами за 1906-1909 гг. было

¹ Ibid., p. 49.

² Ibid.

³ Ibid, p. 74.

приговорено к смертной казни 6193 человека (из них повешены 2694 человека), военно-полевыми — более тысячи, да без суда и следствия по распоряжениям генерал-губернаторов расстреляно 1172 человека. На каторгу были отправлены десятки тысяч человек (т.к. политические выступления крестьян проводили на судах как уголовные, точное число вычленив из 66 тысяч приговоренных к каторге трудно). Вот какими средствами велась „реформа сверху“».

Председатель III Государственной Думы А.И. Гучков (лидер партии октябристов) приветствовал работу этих судов. Как он сам высказался в своих мемуарах, «я совершенно определенно высказался одобрительно и вообще высказался о необходимости суровыми мерами подавить революционное движение, которое мешает проведению у нас назревших либеральных реформ»¹. (Оказывается, «столыпинские меры» приветствуют и нынешние демократы России, что неудивительно — все они из одной стаи.)

Естественно, что забастовки, революции, вопреки «умозаключениям» Менделеева и нынешних демократов, вызывались низжайшим уровнем жизни российского населения, несмотря на «развитие» капитализма. Сравнение с другими странами в те годы дает представление об этом уровне. Так, уже упоминавшийся немецкий ученый Гэйер приводит такие данные: « В 1912 г. доход на душу населения в России составлял лишь около одной четверти уровня Германии и Англии и чуть больше половины уровня Италии. Он был почти на 60% меньше, чем в Германии в 1873 г. Поскольку западные экономики росли весьма быстрыми темпами, попытки перед войной сократить относительную отсталость России полностью провалились. Несмотря на все усилия, предпринятые во времена Витте, отсталость России по сравнению с великими промышленными государствами, которые русская элита рассматривала в качестве своих соперников за место под солнцем, не только не сократилась, а даже возросла. В 1860 г. доход на душу населения в России едва достигал половины западного уровня, а в 1913 г. составлял только одну треть от средней величины аналогичного показателя на Западе. В действительности не было никакой стратегии „догнать“» (р. 271).

Необходимо обратить внимание на то, что в реальности «развитие капитализма» в России почему-то, наоборот, тянуло Россию назад, а не вперед. Капитализм в России почему-то работал против России. Гэйер продолжает: «Видимое процветание в предвоенные годы, основанное на вооружении и ускоренном промышленном росте и финансируемое европейским капиталом, не привело к уменьшению структурной слабости, свойственной российской модернизации. То же, что принималось за

¹ Гучков, с. 44.

„прогресс“ в России, было построено на экономическом истощении крестьян, а цена утверждения позиции России в качестве великой державы проявилась в политических и социальных последствиях» (р. 272).

Другими словами, по мере утверждения капитализма в России обострялась и война между низами и верхами, причем в более жестких формах, чем так называемая классовая борьба в Европе. И эта жестокость в немалой степени определялась именно зависимостью царского режима от Европы. Эта идея в несколько витиеватой форме изложена у Пальмера и Колтона следующим образом: «Собственность большей части новых промышленных предприятий была в руках иностранцев. Очень много принадлежало самому царскому правительству; Россия уже имела наикрупнейшую государственно-экономическую систему в мире. Более того, в отличие от США того времени правительство само было крупнейшим заемщиком у Европы, следовательно, оно было менее зависимо в финансовом отношении от собственного народа и потому более способно поддерживать абсолютистский режим» (р. 693).

Таким образом, если оценивать место России с точки зрения социально-экономического положения большинства населения страны, то оно окажется одним из последних в Европе. Причин, понятно, много, но в том числе и деформированная пропорция между внешнеполитическим и экономическим потенциалами страны.

Не бесполезны могут оказаться данные по эмиграции. По мере развития капитализма в России усилилась эмиграция населения. Корректной полной статистики в то время не было, однако было зафиксировано, что в 1861–1870 гг. в Северо-Американские Соединенные Штаты ежегодно уезжало 3 050 чел., в 1887–1891 гг. — уже 55 524 , в 1892–1896 гг. — 52 969 чел., а в 1897 г. уехало 29 981 чел. То есть в 1887–1897 гг. рост эмигрантов в 19 раз превысил период 1861–1870 гг.¹.

Из хорошей страны не бегут!

¹ Россия: Энциклопедический словарь, с. 105.

Российский капитализм и иностранный капитал

Мы не поймем многих вещей в истории развития капитализма в России, если не определим роль иностранного капитала. Эту тему обычно избегают в нашей демократической литературе, вместе с тем она была болезненно спорной и в советской литературе, посвященной дореволюционному периоду. Так, тот же Хромов в одной из работ, приводя массу статистических данных о проникновении иностранного капитала, пишет: «Многие исследователи преувеличивали роль иностранного капитала в экономике России, не учитывая его отрицательных последствий. Ошибочно и другое мнение, согласно которому иностранный капитал будто бы играл в России такую же роль, как и в полуколониальной стране. То, что капитал в Россию экспортировался преимущественно в форме займов, а не инвестиций, давая значительно более высокий процент прибыли кредитору, опровергает мнение о господстве иностранного капитала в экономике дореволюционной России»¹.

То есть суть проблемы заключалась в том, что, дескать, да, роль иностранного капитала была велика, но капитализм в России развивался в силу объективных причин, в том числе и благодаря самой российской буржуазии. Рассмотрим, так ли это было на самом деле. Обратимся в этой связи к иностранным ученым, которых данная проблема с идеологических позиций не волновала и которые просто констатировали ситуацию относительно роли иностранного капитала.

Так, М. Корт пишет: «Два ключевых фактора определяли развитие русского капитализма: непропорциональная роль иностранцев и прямое вмешательство государства. Иностранцы играли такую выдающуюся роль из-за отсутствия в России капитальных ресурсов и необходимого технического мастерства для расширения промышленного производства. Иностранные инвестиции фактически достигали 1/3 всех промышленных инвестиций в России, в частности в таких базовых отраслях промышленности, как металлургическая, угольная, химическая и нефтяная. ...Фактически, несмотря на постепенное развитие российской буржуазии после 1860 г., роль государства в национальной экономике росла с каждым десятилетием между 1860 и 1900 г.» (р. 47–48).

Проиллюстрируем его рассуждения цифрами.

К началу 1898 г. в России насчитывалось 1146 акционерных обществ с капиталом в 2061 млн руб., в том числе основным — в размере 1806 млн руб. и запасным — 255 млн

¹ Хромов, 1982, с. 181.

руб. Из общего числа предприятий этого рода иностранными считались 115 с капиталом в 337 млн руб. В 1898 г. допущены к операциям в России 23 иностранные анонимные компании с основным капиталом в 96 млн руб.¹. То есть к концу века приблизительно 1/6 часть акционерного капитала принадлежала иностранцам, что было немало. Однако в последующем их роль как в количественном, так и в качественном отношении возрастала стремительно, принимая разнообразные формы. Так, Французский банк стал главным поставщиком займов на развитие железных дорог, военно-промышленные компании «Виккерс» и «Шнейдер» финансировали военные заказы в России, англо-голландский трест «Ройал Датч — Шелл» развернул бурную деятельность поначалу в районе Грозного, затем в Баку. В 1908 г. большая часть акций «Лензолота» (среди акционеров, между прочим, была и мать Николая II) перешла в руки лондонского финансового концерна «Дена — Голдфилдс»².

У Ленина в его «Тетрадах по империализму» есть подробный конспект книги Е. Агада «Крупные банки и всемирный рынок» (СПб., 1914), в которой работник банка весьма детально описывает «взаимосвязи» европейских банков с российскими. Вот некоторые выдержки из этой работы. (В круглых скобках — страницы оригинала, в квадратных — страницы «Тетрадей»).

«Сосьете женераль», «Банк де Пари э де Пэи-Ба», «Банк де л'Юнион паризьен» — «парижское банковское трио, которое располагает миллиардами франков и главным рынком которого является Россия, контролирует следующие русские банки: 1) Русско-Азиатский банк, 2) Петербургский частный банк, 3) Соединенный банк, и оно ввело акции некоторых близко стоящих к этим банкам промышленных концернов на парижскую биржу» (с.92).

«С 1906 г. еще усиливается дальнейшее и более крупное немецкое финансовое участие в „Русском банке для внешней торговли“, называемом *Русский банк*, и в „С.-Петербургском международном торговом банке, называемом *Международным*; первый примыкает к концерну „Дойче банк“, второй к „Дисконтгоезельшафт“ в Берлине. Оба русских банка работают на 3/4 немецкими деньгами (акционерный капитал). „Русский банк“ и „Международный“ являются двумя наиболее значительными русскими банками вообще. Оба очень спекулятивны» (с. 82).

Октябрь/ноябрь 1913 г. (Из ленинской таблицы.)

«С.-Пет. депозитивные банки а) в „системе участия“: 1) Немецкое участие — 4 банка: Сибирский торговый; Русский банк; Международный; Учетный банк. 2) Английское участие — 2 банка: Русский торгово-промышленный; Русско-Английский.

¹ Россия: Энциклопедический словарь, с. 323.

² Всемирная история, с. 465, 468.

3) Французское участие — 5 банков: Русско-Азиатский, Петербургский частный, Азовско-Донской, „Унион“ (правление в Москве) Русско-Французский торговый. + 8 независимых русских банков (в СПб и Москве)» [с. 99].

«Это разъясняет деятельность тех петербургских банков, которые, будучи по видимости „русскими“, по источникам средств „иностранными“, а по риску — „министерскими“, выросли в паразитов русской хозяйственной жизни. — И этот прецедент (рассказ был о Сибирском банке etc.) „стал ныне принципом для организации петербургских банков. Берлинские и парижские директора крупных банков считают свои интересы защищенными...» (с. 137) [с. 100].

«Распределение этой мощности между тремя заграницными группами банков примерно следующее: 1) Французское банковское трио плюс 5 петербургских банков — 55%, 2) Немецко-берлинские „Д“ банки — 35%, 3) Английско-лондонские синдикаты плюс 2 петербургских — 10%» (с. 212) [с. 105].

А вот данные из работы А.Н. Зака «Немцы и немецкий капитал в русской промышленности» (СПб., 1914).

Сумма акционерных капиталов в России: 1912 г.: русские — 371,2 млн руб., иностранные — 401,3 млн руб. [с. 225], т.е. более половины приходится на иностранный капитал.

Немецкий капитал в отраслях промышленности распределялся следующим образом: 1912 г. в текстильной — 34–50% (в Московской губ. и прибалтийских губ.), в содовой — 1/2 всех капиталов. Кроме того, в металлургической, машиностроительной, механической, электрической, электротехнической, светильно-газовой 71,8% — немецкий, 12,6 — французский, 7,4 — бельгийский, 8,2% — русский [с. 226].

По размерам ввозимого в Россию капитала на первом месте стояла Франция, на втором — Англия, затем шли Германия, Бельгия, США и т.д. Французский капитал вкладывался в отрасли тяжелой промышленности и в кредитную систему. Франция была главным кредитором России по государственным займам. На долю французского ростовщического капитала приходилось около трети всех иностранных капиталов, вложенных в акционерные общества России¹. Немецкий капитал направлялся в предприятия электропромышленности, химической промышленности и в акционерные банки. Бельгия предпочитала горную промышленность, а также коммунальные сферы, машиностроительную и химическую промышленность.

¹ Сумма парижских займов России увеличилась с 3 млрд франков в 1890 г. до 12,4 млрд в 1914 г., что составляло 3/4 всех французских займов за рубежом (Grenville, p. 28).

Доля иностранного капитала в коммерческих банках России была перед войной в пределах 1/3–2/5, во время войны она несколько снизилась¹.

А вот ответ на утверждения Некрича и Хеллера о том, что в годы войны доля иностранной зависимости России от иностранного капитала резко понизилась. На самом деле удельный вес иностранного капитала в основном капитале ведущих коммерческих банков составлял на 1 января 1917 г. 47%, в том числе в Русско-Азиатском банке — 79%, в Петроградском частном коммерческом банке — 58, в Соединенном банке — 50% и т.д.². В начале царствования Николая II иностранцы контролировали 20–30% капитала в России, в 1913 г. — 60–70%, к сентябрю 1917 г. — 90–95%³. В подтверждение мне попала еще одна статья, в которой Григорий Гольц (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН) приводит такие цифры: «...доля иностранного капитала в русских банках выросла с 7,5 процента в 1870 г. до 43 процентов в 1914 г. ...в промышленности: почти половина всех капиталов принадлежала иностранцам»⁴. Хотя авторы приводят различные цифры, общая динамика очевидна: иностранцы прибирали финансовую сферу России к своим рукам.

Российское правительство уже в то время «село на иглу» иностранных займов, особенно в 1906 и 1909 гг. В результате стали накапливаться долги, на оплату процентов по которым за 10 лет (1904–1913) было выплачено 1,7 млрд руб., причем получено немногим более 1 млрд⁵.

Государственный долг России с 8,8 млрд руб. в 1913 г. увеличился до 50 млрд в 1917 г.⁶. А вот еще одна цифра, которую приводит Г.А. Завалько: «Из всей внешней задолженности всех стран мира, составлявшей к началу 1914 года сумму в 6317 млн долл., на Россию приходилось 1998 млн долл. (31,2%)» (с. 172). Он же со ссылкой на И. Дойчера пишет: «...в руках западных капиталистов находилось 90% шахт России, 50% предприятий химической промышленности, 40% металлургических и машиностроительных предприятий и т.д.» (там же).

Иными словами, Россия, с одной стороны, увязла в долгах как в шелках перед Европой, с другой, — пустив «козла в огород», она стала терять контроль над своей экономикой и внешней политикой. Весьма убедительно эту зависимость описал Георг Хальгартен в своей фундаментальной работе «Империализм до 1914 года», кстати, переведенной на русский язык. Он пишет: «Французский финансовый империализм,

¹ Хромов, 1982, с. 183.

² Хромов, 1950, с. 385.

³ А.А. Мосолов. При дворе последнего Российского императора. Записки начальника канцелярии Министерства императорского двора. М., 1993 (цит. по: Борьба. 1995, № 12, с. 2).

⁴ Известия. 16.10.1993.

⁵ Всемирная история, с. 465.

⁶ Там же, с. 561.

который до войны в основном контролировал южнорусскую тяжелую промышленность, в это время не только вел борьбу против германского участия в русских железнодорожных обществах, но даже размещение новых русских займов в Париже ставил в зависимость от строительства русских стратегических железных дорог и значительного увеличения армии» (с. 629).

К этому же можно добавить, что уже упоминавшийся «Сосьете женераль» вместе с одним левантийским банком захватил в свои руки финансовый контроль над верфями в Николаеве на Черном море, где уже управляли бельгийцы (с. 634).

Наконец, можно вспомнить и о русском промышленнике А.И. Путилове. Оказывается, на Путиловском заводе «из 32 директоров 21 директор, а из общего числа рабочих и монтажеров 60% принадлежали к немецкой национальности» (с. 632). В финансовом же отношении контроль осуществлялся банком «Юнион паризьен» (с. 633).

Само собой разумеется, все эти «Виккерсы», «Крезос» и прочие имели своих людей на любом уровне власти и в любой сфере: будь то Дума, царский двор или правительство, что также в деталях описано у Хальгартена (с. 634).

А вот одна из важнейших причин участия России в войне на стороне Антанты. Хальгартен продолжает: «Из-за этих гигантских сделок происходила драка между концернами военной промышленности всей Западной Европы, особенно, конечно, Антанты; ее концерны не только снабжали Россию извне, но контролировали также немногие мнимо русские предприятия и таким образом закрепляли за странами Западной Европы монополию поставок для русской армии, а это, согласно, правда, пристрастному мнению тогдашнего русского военного министра Сухомлинова, препятствовало созданию достаточно сильной национальной военной промышленности и тем самым обусловило русскую катастрофу 1915 года, которая, несомненно, была вызвана в первую очередь недостатком боеприпасов» (с. 631).

Отсюда становится понятным, почему Россия, имевшая более высокий уровень торговых связей с Германией¹ (не говоря уже о дружбе между Вилли и Ники), тем не менее выступила на стороне Антанты. Причина единственная: совокупный англо-французский капитал контролировал более обширные и масштабные экономические сферы, чем капитал германский. Понятно, чей капитал должна была обслуживать Россия, втягиваясь в войну против Германии. Это понимала часть царских министров и думских деятелей. Так, уже после начала войны Н. Маклаков и И. Щегловитов подали царю записку, «в которой указывали на необходимость скорейшего окончания войны с

¹ До войны Германия была ведущим торговым партнером России. Но и Россия занимала высокие позиции в торговле с Германией: по данным за 1913 г., второе место в германском импорте и третье — в экспорте (Хальгартен, с. 636).

Германией, родственной России по политическому строю. Напротив, сближение с нашими союзниками они считали опасным для России»¹.

Подобная сверхзависимость России от западного капитала, по мнению Завалько, явилась «истоками русской революции» (с. 172). Думаю, что это преувеличение. Но если иметь в виду, что иностранная буржуазия проводила в отношении русских рабочих более жесткую политику, чем национальная буржуазия (яркий пример этому Ленские прииски), и, следовательно, в большей степени вызывала гнев рабочих, то с этой точки зрения, возможно, Завалько и сторонники его позиции и правы. Но здесь нас интересует другое.

Описанная зависимость в реальности снижала статус России как великой державы. Даже формально ее пятое место на самом деле было фиктивным. По сути же ее статус был полуколониальным (как у Индии в те годы). И проявлялся он в том, что, скажем, внешняя политика царского режима служила не интересам России, а интересам стран, от которых он зависел экономически. Что и проявилось в ходе Первой мировой войны.

¹ Милоков, с. 395.

Николай «Кровавый» и его семья

Нынешние демократы, националисты, монархисты и прочие «царепочитатели» с упоением воспевают Николая II, почем зря загубленного большевиками. На перезахоронении останков царя присутствовал даже глава государства.

Следует признать, что книг, посвященных последнему русскому царю и его семье, опубликовано за последние лет десять немало и в России, и на Западе. Однако вынужден признаться, что, кроме книги Роберта Мэсси «Николай и Александра», ни одной работы о Николае до конца я не дочитал. Пытался, но не смог¹. Слишком серая личность, чтобы тратить на него время. Тем более написаны они такими же серыми авторами (кроме историка Мэсси). Нижеизложенное — это некоторые высказывания о царе из общих работ, посвященных дооктябрьскому периоду.

Так вот, оказывается, на своих современников и западных авторов сей муж производил несколько иное впечатление, чем на нынешних «царепочитателей». Самое корректное, что я смог прочесть о нем в зарубежных источниках, это оценка Гренвилла: «Николай II явно не соответствовал геркулесовым задачам правления России» (р. 57), а также Х.Ф. Прингла — «нелепое маленькое существо» (р. 385).

А вот что пишет о царе его «сатрап» — канцлер С. Витте в своих воспоминаниях: «Нужно заметить, что наш государь Николай II имеет женский характер. Кем-то было сделано замечание, что только по игре природы незадолго до рождения он был снабжен атрибутами, отличающими мужчину от женщины» (с. 577). В другом месте тот же Витте продолжает: «...император Николай II, вступивши на престол совсем неожиданно, представляя собой человека доброго, далеко не глупого, но неглубокого, слабовольного, в конце концов, человека хорошего, но унаследовавшего все качества матери и отчасти своих предков (Павла) и весьма мало качеств отца, не был создан, чтобы быть императором вообще, а неограниченным императором такой империи, как Россия, в особенности. Основные его качества — любезность, когда он этого хотел (Александр I), хитрость и полная бесхарактерность и безволие» (с. 596–597).

Нелестные отзывы о царе дает Л. Толстой. Среди его эпитетов: «малоумный гусарский офицер», «скрытый палач», «убийца» Николай Веревкин, Николай Палкин².

Не надо забывать также, что этот безвольный и малоумный человек был крупнейшим собственником в России (только в Сибири ему принадлежало 67,8 млн га

¹ Одну все-таки смог: с трудом, но одолел воспоминания Жильяра, наставника «наследника-цесаревича», «Император Николай II и его семья».

² Касвинов, с. 92.

«кабинетских» и удельных земель). По данным Р. Мэсси, земля дома Романовых на рынке стоила 50 млн долл. (по тогдашнему курсу это было эквивалентно 100 млн руб. золотом). Ежегодные доходы Дома составляли 12 млн долл. Стоимость драгоценностей дома Романовых-Голштейнов оценивалась в 80 млн долл. (р. 63).

Другие члены царской семьи тоже не бедствовали. В 1905 г. шведский публицист Улар опубликовал сведения о подсчитанных им доходах великого князя Владимира Александровича — сына Александра II и дяди Николая II. Полтора миллиона рублей он имел ежегодно от земель, лесов, рудников и другой личной собственности; два с половиной миллиона ему досталось от казны; 24 тыс. он получал как генерал, 50 тыс. — как командующий Петербургским военным округом, 40 тыс. — как член Государственного совета, 25 тыс. — как член Комитета министров, 30 тыс. — как президент Академии художеств. И в довершение ему полагались значительные суммы как члену различных государственных комиссий¹. В общем, жили — не тужили.

Военный министр Сухомлинов так описывает царскую семью: «В характере большинства из них были признаки деградации, и у многих умственные способности настолько ограничены, что если бы им пришлось вести борьбу за существование как простым смертным, то они бы ее не выдержали. Эти непригодные для дела великие князья, подстрекаемые окружающими их людьми или женами, присваивали себе право вмешиваться в дела правительства и управлений, а в особенности — армии»².

Кстати, столь же нелестные оценки дает С. Витте и реформатору России Столыпину: «...Столыпин по соображениям личным, не будучи в состоянии уничтожить 17 октября 1905 г., постепенно его коверкал и коверкал в направлении политического распутства»³. О нем же: «Что он был человек мало книжно образованный, без всякого государственного опыта и человек средних умственных качеств и среднего таланта, я это знал и ничего другого не ожидал, но я никак не ожидал, чтобы он был человек настолько неискренний, лживый, беспринципный, вследствие чего он свои личные удобства и свое личное благополучие, и в особенности благополучие своего семейства и своих многочисленных родственников, поставил целью своего премьерства»⁴.

И это об одном из «умнейших» деятелей царской России. Что же говорить об остальных представителях правящего класса?

¹ См. предисловие Архипенко к книге Касвинова, с. 6.

² Там же, с. 10.

³ Витте, с. 391.

⁴ Там же, с. 611. На мой взгляд, беспристрастная оценка этому деятелю дана в книге Авреха.

Царская Россия в западных оценках

В отличие от наших заидеологизированных ученых и политиков западные без иллюзий оценивали результаты капитализации России в конце XIX — начале XX века. Из множества работ мне крайне редко попадались такие, в которых давались бы восторженные суждения о состоянии экономики России той поры. Так, уже многократно упоминавшийся Майкл Корт пишет: «Несмотря на прогресс за последние тридцать лет, Россия в 1892 г. была все еще в значительной степени аграрной крестьянской страной. Ее соперники в Западной Европе, наоборот, были современными индустриальными державами, и, хотя Россия была политически независима, ее экономические отношения с Западной Европой имели *классический колониальный характер*. Россия служила Европе как рынок промышленных товаров и источник сырья (курсив мой. — О.А.)» (р. 50). Приводит он и ссылку на Витте, который предупреждал: усиление иностранного владения в российской экономике «может постепенно проторить путь также и для мощного политического проникновения иностранными державами». Другими словами, «Россия легко могла стать другой Индией или Китаем — колонизованными и расчлененными индустриальным Западом» (там же).

Именно по этому пути и шла Россия, но не дошла только благодаря большевистской революции.

А вот как оценивают Россию Пальмер и Колтон с геостратегических позиций, обращая внимание на ее «раздвоенность». Они пишут: «Со времен Петра Великого и ранее она всегда была обращена и на Европу, и на Азию. Она была европейской и в то же время вне Европы и даже против нее. Около 1900 г. она была наименее развитой страной среди основных европейских держав, но вместе с тем наиболее индустриальной и развитой частью неевропейского мира» (р. 691).

Можно и далее приводить аналогичные суждения западников о России, однако самые глубокие и даже пророческие оценки относительно настоящего и будущего России принадлежали Ф. Энгельсу. Вот серия его высказываний, почерпнутая из его писем.

В письме Августу Бебелю от 24–26 октября 1891 г. он писал: «Русские должны быть просто сумасшедшими, чтобы начать войну, но военная партия повсюду состоит из сумасшедших, а русская буржуазия ограничена, глупа, невежественна, настроена

шовинистически и до крайности алчна»¹. Такое впечатление, что Энгельс имел в виду нынешнюю российскую буржуазию.

В свое время Энгельс многократно предупреждал своих соратников о неизбежности мировой войны². В такой прогноз не верил ни один политический деятель в Европе не только в 1890-е годы, но и вплоть до начала Первой мировой войны. В отличие от них Энгельс был аналитиком-универсалом, которому не было равных (за исключением, естественно, К. Маркса) на всем протяжении XIX века. Я не могу избежать соблазна и не привести его прогноз на этот счет. Более чем за четверть века до начала войны он 15 декабря 1887 г. писал: «Германия будет иметь союзников, но она изменит им, и они изменят Германии при первом удобном случае. И, наконец, для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатые на протяжении трех-четырёх лет и распространенные на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» (т. 21, с. 361) Тому же А. Бебелю 9 февраля 1893 г. он писал: «Но грядущую войну, коль скоро она начнется, никоим образом не удастся локализовать, державы — по крайней мере континентальные — будут вовлечены в нее в первые же месяцы, на Балканах война вспыхнет сама собой, и разве только Англия сможет некоторое время сохранить нейтралитет. А твой русский план предлагает как раз локальную войну, я же не считаю ее более возможной при сохранении современных громадных армиях и гибельных последствиях для побежденного» (т. 39, с. 23–24).

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 38, с. 161.

² О качестве современных историков свидетельствует такой факт: эпатажный английский исследователь Найэл Фергюсон утверждает, что впервые Первая мировая война была предсказана в новелле Хидона Хила «Шпионы с острова Уайт» (1899). — См.: Ferguson, p. 1. Такая неграмотность характерна для очень многих буржуазных ученых на Западе, так же как и в России.

А перед этим в письме Шарлю Бонье от 24 октября 1892 г. он с уверенностью утверждает: «Если война разразится, то на долю *тех, кто потерпит поражение*, выпадет возможность и обязанность совершить революцию — вот и все» (т. 38, с. 431).

А вот еще три выдержки о неизбежности революции в России.

В письме Полю Лафаргу от 18 декабря 1894 г. Энгельс пишет: «А затем Россия — это неведомая страна, где определено лишь одно: нынешний строй не переживет смены царя, и там также наступит кризис» (т. 39, с. 291). В. Адлеру (27 декабря 1894 г.): «...в России начало конца царского всемогущества, так как самодержавие едва ли переживет эту последнюю смену монарха...» (там же, с. 293). Эдуарду Вайяну от 5 марта 1895 г.: «А в России маленький Николай поработал на нас, сделав революцию неизбежной» (там же, с. 349).

Могут ли господа критиканы Энгельса привести в качестве примера хотя бы один прогноз подобного качества у их любимых идеологов и политологов или экономистов того времени? В данном случае я не имею в виду интерпретации бреда Нострадамуса.

Правда, упоминавшийся Копырин приводит слова В.О. Ключевского, который, дескать, на собрании, посвященном годовщине Московского университета в 1905 г., пророчил: «Николай — последний русский царь, Алексей царем не будет»¹. Возможно, так и было, но это все-таки 1905 год, а не 1895-й.

Как бы то ни было, западные оценки места России в мире были значительно ближе к реальности, чем оценки, даваемые русскими учеными и политиками. Идея «великодержавности» настолько психологически была встроена в сознание русских, что она просто не давала возможности рационально оценивать не только собственный статус, но и статус центральных государств мира. Эта идея, судя уже по устроению нынешних правителей страны, является одним из укоренившихся российских генов.

¹ Копырин. Россия дореволюционная.

Население и средняя продолжительность жизни в России

В этой главе мы подошли к очень важной теме, даже более важной, чем место и роль государства в мире. Можно много говорить о военной мощи государства, о его экономической развитости или неразвитости, о культуре и еще о многих вещах. Все это будет привычная болтовня, пока мы не зададимся «простым» вопросом: а для чего все это? В конечном счете вопрос упрется: в чем смысл жизни и ее цель? Соответственно: в чем смысл жизни нации и ее цель?

На эти вопросы я дал подробный ответ в монографии «Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала)». Здесь коротко повторю некоторые определения для читателей, не знакомых с упомянутой работой.

Итак, смысл жизни — в самой жизни. Цель — в ее бесконечном продлении. Это касается и нации (государства). Исчезновение народов, наций, или государств с исторической арены вызвано тем, что нарушался закон общественного развития, формулируемый через закон общественных знаний. Здесь для нас важно только отметить, что развитие государств (народов, наций), возможное при соблюдении двух законов общества (закона силы и закона знаний), означает движение человечества по пути прогресса.

Прогрессом является дельта жизни, то есть разность между тем, сколько отпущено человеку природой (законами неорганического и органического миров), и тем, сколько он реально (актуально) проживает благодаря своим знаниям, или негэнтропии. Это определение можно представить в виде простой формулы прогресса:

$$P = L_A (L_A - L_N),$$

где **P** — прогресс,

L_A — дельта жизни,

L_A — актуальная (реальная) продолжительность жизни,

L_N — естественная (биологическая) продолжительность жизни.

L_N — это продолжительность жизни, отпущенная природой, фактически, константа, а вся битва человечества идет вокруг **L_A**; именно она является главным символом сопротивления закону возрастания энтропии (закону смерти).

Напомню, что природой человеку было отпущено 18–20 лет. Она в нашей формуле является константой. И если человек, скажем, прожил 80 лет, следовательно, он

«обманул» природу на 60 лет, именно эти 60 лет знания вырвали у энтропии, и именно они и являются его дельтой жизни, или прогрессом.

Таким образом, конечный показатель развития общества — средняя продолжительность жизни (СПЖ) населения. Но понятно, что этот показатель не будет иметь никакого значения без самого населения, без его увеличения. И тут-то Менделеев был прав, когда писал: «...и о благе человечества нельзя говорить, не исходя из сведений о количестве народонаселения» (с. 45). Надо только уточнить: увеличение населения — это количественная сторона прогресса, увеличение средней продолжительности жизни — это качественная.

* * *

Итак, возвращаемся к России. Сразу же надо отметить, что при определении количества населения России могут быть различные цифры: с одной стороны, в связи с отсутствием надежных статистических данных вплоть до первой официальной переписи 1897 г., с другой стороны, из-за менявшихся границ империи. К примеру Г. Вернадский каким-то образом подсчитал: «В XVI и XVII веках население России насчитывало примерно 15 000 000 человек. ...Точных переписей населения до XVIII века не велось. ... Ко времени Петра в 1725 году население России составляло около 14 000 000 человек. В начале XIX века общая численность выросла до 40 000 000, а в 1850 году достигла 68 000 000 человек» (с. 173). Он же: «В 1914 году население Российской империи (без Финляндии) составляло 170 000 000 человек» (с. 244).

В статистическом справочнике «Россия 1913 год» со ссылкой на справочники того периода даются такие цифры: население страны в границах Российской империи увеличилось со 129,1 млн в 1897 г. до 175 млн чел. На январь 1914 г., в том числе по Европейской части с 94,2 млн до 128,9 млн чел. соответственно.

Поражает скачкообразный прирост населения. Объяснений много, но одно из основных — очень высокая рождаемость. Другими словами, в этот период времени количественная сторона продолжения российского народа демонстрировала движение вперед. Теперь посмотрим на качественную сторону — СПЖ. Здесь картина не такая радужная.

Таблица 16. *СПЖ в России**

Годы	Мужчины	Женщины
1874–1883	26,3	29,1
1896–1897	29,4	31,7
1907–1910	31,9	33,9

*По 50 губерниям Европейской части России.

Прирост хотя и небольшой, тем не менее очевиден. Но как уже неоднократно говорилось, все познается в сравнении. Следующая таблица позволяет это сделать.

Таблица 17. *СПЖ в России и других странах*

	1900 г.		1913 г.
Страна	Мужчины	Женщины	В среднем
Англия/Уэльс	46,4	50,1	52
Франция	45,3	48,7	50
Германия	43,8	46,6	49
Швеция	52,8	55,3	...
США	48,3	51,1	50
Япония	42,8	44,3	51
Австрия	37,8	38,9	
Россия	29,4	31,7	33

Источник: за 1900 г. — Kinsella; за 1913 г. — Мельянцев, с. 145.

Здесь представлена неполная таблица (в нее вписано 26 стран). Россия и в 1900, и в 1913 г. находилась в самом низу. Это означает, что по главному критерию прогресса — СПЖ как показателю дельты жизни — Россия отставала от всех более или менее значимых государств мира. Причем отставала на два века, поскольку СПЖ России начала XX века соответствовала СПЖ стран Западной Европы XVIII века. В таком отставании отражены все другие составные части общества (наука, медицина, просвещение, культура, экономика, политика, в целом общественный строй страны). Что поразительно, даже действительно быстрый экономический рост в промежутке между 1880 и 1913 гг. на базе капитализма не сократил это отставание¹. Это говорит о том, что капиталистическая система в России действует иначе, чем в других местах. Она не ведет страну по пути прогресса.

А теперь попробуем обобщить приведенные данные с позиции места России перед Первой мировой войной, но предварительно напомним некоторые базовые термины.

В геоэкономике место страны определяется через ее сравнительную экономическую мощь. Определенный экономический потенциал этой мощи может стать структурообразующим в виде экономического полюса.

В геостратегии место определяется суммой затрат на внешнеполитический потенциал (ВПП). При определенном массиве этой суммы государство может образовать «центр силы», региональный или мировой (=сверхдержава). ВПП является

¹ Только в советское время разрыв в СПЖ с развитыми странами был существенно преодолен.

экономической базой для проведения международной деятельности, характер которой определяет роль государства в мире.

В политэкономическом плане, как уже говорилось, социальная структура государства, которую можно выявить и через структуру бюджета, определяет социальный характер государства и даже его формационную суть.

Агрегатным показателем движения государства по пути прогресса является рост населения и СПЖ.

Повторяю: все эти термины наполняются содержанием только при страноведческом сравнении. Итак, начнем с первого пункта.

1. Место России в геоэкономике. Из вышеприведенных данных о совокупном объеме промышленного и сельскохозяйственного производства следует, что Россия занимала пятое место в мире после США, Германии, Великобритании и Франции. При этом объем мощи (экономического потенциала) не соответствовал статусу «полюса» даже регионального масштаба.

Обычно в данном контексте называют показатели на душу населения. В этом пункте Россия отставала фактически от всех значимых государств в мире. Но эти показатели имеют косвенное отношение к экономическому статусу страны в мире на тот или иной конкретный исторический момент. В долгосрочной же перспективе подушевые показатели, естественно, более важны, чем «совокупные», поскольку они определяют социальную устойчивость государства.

2. В области просвещения и науки, несмотря на определенные положительные сдвиги, особенно в конце XIX — начале XX века, Россия отставала от всех субъектов международной политики. То есть главный двигатель прогресса (наука и техника) только-только начинал набирать обороты.

3. Еще большая степень отставания наблюдалась в системе здравоохранения. Хотя и в этой сфере наметилось некоторое движение вперед.

4. По доле в мировой торговле Россия находилась на 6-м месте в мире, причем к 1913 г. ее доля была равна приблизительно 4%.

5. Военный потенциал. В данном пункте Россия занимала верхние строчки. По совокупному военному бюджету она уступала только Великобритании, а по количеству сухопутных войск занимала первое место в мире, по флоту — четвертое (после Великобритании, США и Франции).

6. Внешнеполитический потенциал (ВПП) России. Несмотря на относительно слабую экономику, Россия громадные суммы тратила по военному ведомству, что составляет львиную долю ВПП. Его сумма (с прибавлением затрат по линии Министерства иностранных дел) является экономической базой для формирования

«центра силы». Однако, поскольку по данному индикатору ВПП России был адекватен ВПП основных игроков того периода, то именно он и давал России статус «великой державы». Другое дело, какое воздействие этот самый ВПП оказывал на другие статьи бюджета и в целом на экономику страны. В принципе, имея в виду историю России начала XX века, ему можно заранее дать негативную оценку. Однако еще до революционных событий 1917 г. можно было предсказать неизбежный крах царизма (что сумел сделать Энгельс за 21 год), исходя из его внешней политики и показателя СПЖ.

7. Социальное положение населения и средняя продолжительность жизни (СПЖ), которая является конечным показателем развития. По уровню и качеству жизни российское население пребывало в состоянии, характерном для феодальных обществ, хотя какая-то его часть и вступила в капитализм. По СПЖ, главному показателю прогресса любой страны и человечества в целом, Россия отставала от стран Западной Европы на 200 лет. Именно в этих самых «33» годах (СПЖ для России в 1913 г.) и аккумулируются все индикаторы и параметры развития страны. Этот один индикатор отмечает все мифы о России как развитой стране «до большевиков».

8. С точки зрения социального или формационного характера царистского государства, на мой взгляд, оценки Ленина сохраняют свою актуальность и верность и по настоящее время. К формулировке о «военно-феодальном» характере русского империализма мне добавить нечего. Достаточно взглянуть на структуру бюджета. Правда, среди ряда западных историков, в частности у Дитриха Гэйера, укрепилась и другая формулировка царистского режима — *Boogrowed Imperialism*. Это словосочетание мне трудно перевести на русский язык (слово *boogrow* означает «занимать», «заимствовать»). По сути же, содержание этого термина можно передать таким образом: империализм с протянутой рукой. Однако упоминавшийся русский философ Г. Завалько, значительно более подробно изучивший степень финансовой и экономической зависимости царизма от стран Европы, сформулировал концепцию «зависимого капитализма», обрекающего Россию на отсталость.

Как бы то ни было, являлась ли Россия «слабым звеном» капитализма или «зависимым звеном», но по своему весу, а в конечном счете месту в мире она была достаточно заметной на международной арене, даже находясь на пятом месте.

Однако, как уже говорилось, вес страны в мире не прямо пропорционален роли государства на международной арене. Рассмотрим коротко и эту категорию применительно к России.

Роль и влияние России в мире

Прежде чем говорить о роли России в мире, опять немного о терминах.

Внешнеполитическая деятельность — это процесс формирования и реализации внешней политики, которая осуществляется в различных пространственно-временных зонах. В каждой из зон происходят специфические явления, обозначаемые определенными терминами. Хотя все явления взаимосвязаны, однако их раскрытие происходит через причинно-следственные связи, что предполагает наличие временной последовательности. Например, прежде чем проводить какую либо акцию, необходимо заранее ее разработать. Реализация акции и ее формулирование происходят в различных пространствах внешнеполитического процесса. Чтобы занять «место» в мире, для начала необходимо наработать определенный экономический потенциал. В принципе у каждого явления, определяемого через понятие, существует «материальная база» (можно назвать такие базы «категориями», поскольку они представляют «бытие» внешнеполитического процесса). У понятия «место» (отсюда «вес», «полнос») материальной базой является «мощь», у понятия «сила» («центр силы») такой базой-категорией является внешнеполитический потенциал и т.д. Короче, чтобы не перегружать читателя дефинициями из теории международных отношений, сначала представлю цепочку внешнеполитической деятельности, которая выглядит следующим образом: «действие» — «влияние» — «взаимодействие/противодействие» — «объем отношений» — «активность».

В этой цепочке нас интересует понятие «влияние». Его базой, т.е. категорией, является ВПП. Следовательно, *влияние — это реакция внешней среды на силу действия того или иного субъекта внешней политики*. Это реакция носит объективный характер, поскольку вне зависимости от желания субъекта он вынужден реагировать на силу, которая всегда есть форма давления, в какие бы словеса оно ни обрамлялось. Иная суть у роли государства. «Роль» государства — *это субъективная оценка участниками международной среды внешней политики того или иного государства на международной арене*. Разница будет понятна из одного примера. Скажем, влияние США в мире громадно, порой оно даже принимает форму гегемонии. Несмотря на это, их роль совершенно по-разному оценивается акторами международных отношений: одни рассматривают США как агрессивное, экспансионистское государство, другие, наоборот, относятся к деятельности США на международной арене как к стране, несущей демократию и процветание миру. Столь же противоречивым было в свое время и

отношение к СССР: для одних он был «империей зла», для других — защитником униженных и угнетенных, «борцом за мир во всем мире».

То же самое и в отношении царской России: для революционеров — это реакционнейшее государство Европы, для правителей одних государств — союзник, для других — противник. Иначе говоря, всегда надо иметь в виду внутреннее содержание терминов «влияние» и «роль».

Влияние и национальные интересы России

Наиболее заметную роль в международных делах Европы (а тогда это означало и мира) Россия играла в период между Венским конгрессом (1814–1815) и поражением в Крымской войне (1853–1855). Определенный шанс сохранить значимую роль давало, как это ни покажется странным, возникновение единой Германии после ее побед над Францией (1870–1871), так как открывался простор для использования франко-германских противоречий. Этого не получилось, свидетельством чему служит Берлинский конгресс 1878 г., на котором Россия растеряла некоторые результаты, завоеванные в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Россия, выражаясь словами канцлера А.М. Горчакова, впав в «сосредоточение», так из него и не выкарабкалась вплоть до вовлечения в Первую мировую войну¹.

На первый взгляд кажется парадоксальным: в начале XIX века и даже ранее, еще во времена Екатерины II, роль России в мировых делах была выше, чем в начале XX века. На самом деле этому есть объяснение, в том числе и чисто экономическое.

К последнему относится такой простой факт: в 1804 г. на международную «роль» шло 44,3% расходной части бюджета, в 1850 г. — 42,8%, в то время как в 1900 и в 1913 гг. эти суммы составляли соответственно 26,5 и 27,1%. Другими словами, несмотря на отставание от основных европейских держав по экономической «массе», расходы России

¹ По случаю 200-летнего юбилея А.М. Горчакова тогдашний министр иностранных дел РФ Е.М. Примаков опубликовал статью, в которой царский канцлер был охарактеризован как один «из наиболее выдающихся дипломатов, политиков, государственных деятелей не только России, но и Европы». Кроме того, по утверждению Примакова, Горчаков провозглашал «главной внешнеполитической задачей России защиту ее национальных интересов», ведя при этом «активную и весьма эффективную внешнеполитическую линию» (Е.М. Примаков. Россия в мировой политике. — Международная жизнь. 1998, № 5, с. 4, 5). Подобные оценки выглядят тем более странными, что именно в период канцлерства Горчакова произошло резкое снижение роли России в европейских делах, что косвенно подтверждает и сам Примаков, напомнив: «Выгодные условия Сан-Стефанского мирного договора оказались перечеркнуты Берлинским конгрессом 1878 года» (там же, с. 5). Именно в этом году ушел в отставку и сам канцлер. Какими успехами прославил Россию этот канцлер на посту министра иностранных дел, видимо, одному богу известно, да еще Примакову, но последний почему-то о них не рассказывал. Вообще голословность, похоже, общая черта всех политических деятелей.

на международную деятельность (составляя тот самый внешнеполитический потенциал, о котором не раз говорилось выше) были сопоставимы с аналогичными расходами Лондона, Парижа и Вены, не говоря уже о Берлине, Мадриде и Риме. В начале же века, хотя Россия и занимала 5-е место по «весу», однако ее ВПП, хотя на него и шло 25–30% бюджета, по абсолютным значениям был намного меньше, чем у других государств, поскольку бюджет 5-й державы качественно уступал бюджету 4-й державы. Но это одна сторона проблемы.

Другая сторона связана с искусством использовать внешнеполитические ресурсы с толком, т.е. с искусством дипломатии. Известно, что у России к началу XX века существовали противоречия со всеми государствами, за исключением Франции, с которой она фактически имела антигерманский военный союз, зафиксированный двумя пактами (1891 и 1894 гг.). Но аналогичные противоречия имела каждая держава с той или иной степенью глубины. Весь вопрос заключался в том, кто кого переигрывает в разрешении противоречий в целях отстаивания своих национальных интересов. И в этой связи возникает главный вопрос: а как были сформулированы национальные интересы страны? Скажем, Россия в качестве стратегического интереса на первый план как в XIX веке, так и в начале XX века ставила контроль (или захват) Босфорского пролива, положив на этом направлении немало средств и жизней российских солдат. Ради чего? Для того, чтобы обеспечить выход в Средиземное море? Во имя чего? Экономических интересов? Между прочим, кажется, единственным политиком, открыто выступавшим против «босфорской» политики России, был министр внутренних дел П.Н. Дурново¹, который в меморандуме на имя царя за шесть месяцев до войны предсказал пагубные последствия для России в случае вовлечения ее в конфронтацию с Германией и самое главное — бессмысленность для российских интересов захвата Константинополя². И он был тысячу раз прав, поскольку более чем за столетие у России так и не сложилось масштабное экономическое сотрудничество ни с одним из средиземноморских государств, за исключением Франции, торговля с которой успешно осуществлялась и по суше. Таких вопросов можно задавать сколько угодно, и на них невозможно получить внятного ответа.

Точнее, ответ есть, и на него частично отвечает С. Витте. Характеризуя руководящий состав господствующего класса в специальной главе своих воспоминаний, он дает такие оценки: И.Н. Дурново (министр внутренних дел, затем председатель кабинета министров) — «очень недалекий человек, но житейски умный и хитрый»; В.К.

¹ Не путать с его братом, И.Н. Дурново, также одно время занимавшим пост министра внутренних дел.

² Подробнее см.: Kissinger, p. 206–208.

Плеве (министр внутренних дел и шеф жандармов с 1902 г.) — «очень умный агент тайной полиции, недурной юрист, оппортунист, поверхностно образованный, хитрый и ловкий карьерист-чиновник, вообще весьма неглупый, но без всякого государственного инстинкта»; К.П. Победоносцев (обер-прокурор Синода в 1880–1905 гг.) — «выдающегося образования и культуры человек, безусловно, честный в своих помышлениях и личных амбициях, большого государственного ума, нигилистического по природе, отрицатель, критик, враг созидательного полета, на практике поклонник полицейского воздействия»; А.А. Абаза (министр финансов в 1880–1881 гг.) — «человек с громадным здравым смыслом, большой игрок, весьма ленивый, кончил курс в университете, но затем мало учившийся»; великий князь Николай Николаевич — «мистически тронут», его мать — «тоже мистически тронута» (с. 422, 423, 434). О партии черносотенцев, которым поют дифирамбы нынешние кадет-патриоты: «Она состоит из темной, дикой массы, вожаков — политических негодяев, тайных соучастников из придворных и различных, преимущественно титулованных, дворян, все благополучие которых связано с бесправием и лозунг которых — «не мы для народа, а народ для нашего чрева» (с. 432). О царе уже писалось. Но вот еще одна цитата: «Пишу эти строки, предвидя все последствия безобразнейшей телеграммы императора проходимцу Дубровину, председателю „Союза русского народа“ (3 июня 1907 г.). Телеграмма эта в связи с манифестом о роспуске второй Думы показывает все убожество политической мысли и болезненность души самодержавного императора...» (с. 432). И т.д. и т.п.

Конечно, за этими субъективными оценками стоит обида С. Витте и на царя, и на многих его чиновников за отставку и невостребованность. Но дело в том, что результаты деятельности правящего класса на службе «отечества» подтверждают данные оценки.

В правящей элите царской России, особенно перед Первой мировой войной, не было личностей, соответствующих масштабам великой роли России. Это, кстати, касается и самого С. Витте, хотя, безусловно, он превосходил всех из правящей элиты¹. Не тянули они на уровень ни О. Бисмарка, ни даже таких не очень выдающихся английских деятелей, как Б. Дизраэли или Т.Дж. Пальмерстон. То есть мы имели на вершине власти не соответствовавших своему положению людей, что стало одной из причин всех поражений России в начале века. Другая причина, связанная с предыдущей, — это сверхзависимость России от иностранного капитала.

¹ Академик Л. Абалкин как-то написал восторженную статью о С. Витте, расписав его достижения как практика-экономиста и финансиста. «Забыл» почему-то при этом упомянуть, что в немалой степени именно благодаря этому деятелю Россия попала в финансовый капкан Франции.

Война с Японией

Слабость правящих кругов России особенно наглядно продемонстрировали ход и результаты войны с Японией в 1904–1905 гг. Об этой войне написано множество книг. Здесь напомним, что только людские потери с нашей стороны составили 400 тыс. убитыми, ранеными и плененными. Кроме этого, как пишет Е. Агад, нужно иметь в виду, что «потери России в японской войне, включая Порт-Артур, Дальний и южную часть Китайско-Восточной железной дороги, составляют приблизительно 4 500 миллионов рублей, т.е. половину государственного долга, по которой таким образом русские крестьяне должны платить проценты и погашение, не получив в руки капитала»¹. Агад забыл добавить среди потерь южную часть о. Сахалин, весь Тихоокеанский и частично Балтийский флоты; остался только Черноморский².

Все эти потери могли быть обоснованы в какой-то степени, если бы мы не имели военного превосходства над Японией. Современные публикации на эту тему вскрывают все новые и новые факты, из которых видна безынициативность российских высших офицеров в критических ситуациях, в частности продемонстрированная командиром «Варяга» капитаном 1-го ранга Рудневым³ в ходе событий 27 января (9 февраля) 1904 г., когда пришлось потопить «Варяг» и «Кореец».

Безусловно, стратегические просчеты были допущены на высшем уровне, когда этот самый уровень не осознавал ни реальных интересов России на Дальнем Востоке, ни реальных врагов России. В Санкт-Петербурге должно было быть для всех очевидно, что после заключения англо-японского союза 1902 г. Япония непременно начнет войну с Россией при финансовой и экономической поддержке со стороны Англии. Это было очевидно для любого мало-мальски разбирающегося в международных делах человека. Гренвилл пишет: «Чтобы защитить свои приморские интересы в Китае, Британия заключила союзнический договор с Японией в 1902 г., санкционируя японскую агрессию в Корее и делая войну в Восточной Азии с Россией более вероятной» (р. 43). Об этом прямо говорил царю германский император. «Наше же величество» на подобную информацию отвечает: «Войны не будет, так как я ее не хочу»⁴.

Одна глупость порождает другую. Например, согласие вести переговоры о мире в США, зная при этом о прояпонских позициях Т. Рузвельта. Биограф этого президента подробно описывает отношение Рузвельта к русским, которых он рассматривал как

¹ Е. Агад. Крупные банки и всемирный рынок. СПб., 1914, с.72. Цит. по: Ленин. Т. 28, с. 96.

² Подробнее см.: Кутаков.

³ См.: Общая газета. 11–17.02.1999.

⁴ Витте, с. 436.

«глупых, лицемерных, готовых к предательству и коррумпированных»¹. Он считал, что русская победа была бы «ударом по цивилизации», и потому был весьма рад японской победе, так как «Япония играет нашу игру»².

Но дело было не только в Рузвельте; в целом американцы были настроены против России, с одной стороны, в связи с антиеврейскими погромами в 1880–1890-е годы, с другой — из-за публикации книги Джорджа Кеннана (дальний родственник будущего известного дипломата) под названием «Сибирь и система ссылки». На тот момент прошли времена, когда Россию считали «единственным настоящим другом Америки» (до конца 70-х годов XIX века). Как пишет Стоссинджер, «хотя именно Япония начала войну первой, большинство американцев были на стороне японских „обиженных“ (underdog)»³. Естественно, при таких настроениях соглашаться вести мирные переговоры на территории США было верхом глупости.

В этой связи непонятна позиция автора книги о Витте, который пишет: «Заключение Портсмутского договора может по справедливости считаться вершиной дипломатического искусства Витте. В очень неблагоприятной обстановке он сумел добиться столь необходимого в то время единственно приемлемого для царизма „почти благопристойного“ мира»⁴.

Можно ли давать подобные оценки, имея в виду, во-первых, что истощенная Япония сама была инициатором переговоров через американцев; во-вторых, что Россия выполнила почти все ее требования, за исключением контрибуции, но взамен отдал пол-острова Сахалин; в-третьих, что роль России на Дальнем Востоке фактически свелась к нулю. И это называется «вершина дипломатического искусства»? Такую позицию разделяет японовед В.Э. Молодяков, который умудрился сделать такой вывод: «Портсмутский договор можно считать удачным, поскольку он не содержал предпосылок новой войны в регионе»⁵. То есть потеря южной части Сахалина, а в последующем фактическая потеря контроля над Маньчжурией, видимо, тоже относятся к разряду «удач» России? Уже само поражение России содержало предпосылку «новой войны в регионе».

У русских действительно необычная логика: проигранную войну называть победой. Сам Витте оправдывался тем, что Южный Сахалин он уступил по настоянию царя (с. 486). А можно было не «уступать».

¹ Pringle, p. 385.

² Цит. по: Kissinger, p. 42.

³ Stoessinger, p. 114. (В данном контексте слово underdog означает «обиженные» или даже «недочеловеки» — намек на то, что русская пресса обзывала японцев «желтыми обезьянами».)

⁴ Игнатьев, с. 235.

⁵ Внешняя политика Японии, с. 49.

В Русско-японской войне выиграли все, кроме России. Ее правящие круги не смогли отстоять интересы страны вследствие своей тупости и безмозглости. Эта интеллектуальная импотенция вела Россию к следующей войне без выигрыша.

* * *

Здесь специально хочу привести выдержки из оценок и выводов Д.И. Менделеева из его «Заветных мыслей» о русско-японских отношениях, демонстрирующие его «проницательность» в чуждой для него сфере. Комментировать бессмысленно. Судите сами.

«Для русского коварство и японцы до некоторой степени сливаются. Если вспомнить затем, что мы никогда не пытались затронуть этих островитян и даже радовались, что они начали приобщаться к европейской культуре, то станет понятным большое недовольство, распространившееся у нас, когда японцы выдумали вмешиваться в наши отношения к китайцам, маньчжурам и корейцам, а когда дело дошло до изменнического начала военных действий, невольно проснулось недоброе к ним чувство» (с. 208).

«Когда была кончена предшествующая статья и я прочел ее некоторым из своих друзей, многие из них выразили сожаление о том, что в ней ничего не говорится о возможном конце войны, т.е., *правильнее сказать, о том, чего можно требовать от Японии после благоприятного для нас исхода войны, в котором никто не сомневается*» (с. 221; курсив мой. — О.А.)

«...лучше всего ничего себе не брать (конечно, не считая контрибуции... Пусть война из-за упрямства японцев затянется, мы вытерпим ее тяготы теперь при запасах, собранных усилиями последних царствований, если могли вынести почти трехлетнюю войну 1812–1814 гг. Все, что известно об Японии, напротив того, показывает, что ей долго терпеть жестокую войну не по силам. Бояться нам нужно только рановременного окончания войны, вмешательства посредников и своего благодушия, которое может спешливо пойти на мир, если нас о нем попросят, оставляя нам лишь Маньчжурию, а Корею предоставляя Японии» (с. 223).

Первая мировая война и роль России

О Первой мировой войне написаны горы литературы. Причем большинство авторов (в основном международники, историки дипломатии и журналисты-публицисты) придерживаются мнения, что война возникла как-то случайно, немотивированно, по воле какого-то рока. В частности, Барбара Такман, наиболее популярная из этой когорты авторов, в своих знаменитых «Августовских пушках» подробно описывала, как все старались эту войну предотвратить, а она все равно началась. К такого типа авторам

примыкают «субъективисты», т.е. те писатели, которые считают, что война возникла из-за дураков в правящих кругах основных стран, особенно в Германии и России. На мой взгляд, только ученые экономического профиля верно вскрыли причины войны, ее неизбежность, вызванную к тому же, помимо всего прочего, империалистической сущностью государств — основных участников мировых событий того времени. Среди такого типа аналитиков, естественно, первые строчки занимают Ф. Энгельс, В.И. Ленин и другие по-марксистски образованные ученые (К. Каутский, А. Бебель, К. Либкнехт). Вместе с тем немалый вклад в понимание проблемы внесли и небезызвестные из ленинских же работ австриец Р. Гильфердинг, англичанин Джон Гобсон, а после Второй мировой войны — немец Георг Хальгартен, американец В.А. Вильямс.

В данной работе у меня не стоит задача определить причины войны и ее ход¹. Замечу только, что борьба за передел мира была основной, хотя и не единственной мотивацией колониальной политики ведущих держав. И то, что война разразилась именно в 1914 г., а не на десятилетие раньше или десятилетие позже, было связано с законами неравномерного развития капитализма, переплетенными с законом силы в международных отношениях. Повторяю, в данной главе стоит другая задача, точнее, три задачи, а именно выявить: 1) как рассматривали основные державы роль России с точки зрения их собственных интересов; 2) в чем состояли интересы России в тот период; 3) каков был результат их реализации с точки зрения влияния и роли России.

Россия во внешней политике великих держав

Великобритания. К началу XX века основные внешнеполитические интересы Англии распространялись почти на все регионы земного шара. При этом сама Европа занимала не самые верхние строчки в иерархии этих интересов. Следовательно, главные противоречия у Лондона завязывались прежде всего с другими колониальными государствами, в качестве которых выступали Франция, Германия и Россия. В результате войн и искусной дипломатии («политики блестящей изоляции») Англия сумела нейтрализовать, а во многих случаях и временно разрешить противоречия в свою пользу по всем азимутам своей колониальной политики.

С Францией это удалось сделать на основе разделения колониальных территорий на сферы влияния в Африке и Юго-Восточной Азии. В определенной степени по этому же принципу были установлены сферы влияния и с США.

¹ Все эти вещи уже давно подробно описаны и разжеваны в научной литературе, в том числе и советской (см., например, работы Полетики, Ерусалимского).

Что касается России, то благодаря поддержке Японии в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Великобритания добилась ослабления позиций России на Дальнем Востоке, в первую очередь в Китае. Кроме того она умиротворила Россию путем раздела сфер влияния в Персии, зафиксировала рубежи интересов России в Афганистане, а также ограничила ее действия в районе Черноморских проливов.

Менее удачно достигались договоренности по колониям с Германией. Несмотря на уступки со стороны последней в марокканском конфликте (1907 г.), Берлин не собирался складывать оружие, что, естественно, всерьез беспокоило Лондон. И хотя в самой Европе англо-германские противоречия не носили острого характера, однако вследствие непрерывного усиления Германии, особенно после того как немцы запрограммировали скачкообразное усиление своего военно-морского флота, в Лондоне все отчетливее стали осознавать неизбежность грядущего столкновения с молодым и агрессивным германским империализмом. Но поскольку самой Англии сталкиваться «физически» с Германией очень не хотелось, то эту роль она уготовила Франции на Западе, России на Востоке. Что касается России, то столкновение двух «варварских» держав (для англичан немцы тоже были «варварами»), их взаимное изматывание или уничтожение весьма отвечало имперским интересам Великобритании. И хотя Лондон подписал с Россией договор 1908 г. (по разделению сфер влияния в Персии), оценивавшийся как возникновение тройственного альянса — Антанты, двуличное поведение министра иностранных дел Эдуарда Грея в конце июня и в июле 1914 г. (т.е. после убийства эрцгерцога Фердинанда), из которого не было ясно: вступит Англия в войну или останется в стороне, стимулировало Берлин к объявлению войны. В германской столице посчитали, что Лондон все-таки не вступит в войну. В силу обстоятельств Англия все же объявила о вступлении в войну, но в Лондоне хорошо понимали, что не англичане будут главными жертвами в этой войне, а французы и особенно русские, хотя бы уже из-за географической близости друг к другу восточных (с точки зрения Британии) государств. По планам Лондона, роль России определялась не только военными действиями против Германии. Там не безосновательно рассчитывали поживиться на поставках оружия, боеприпасов и снаряжения для российской армии. Причем надо иметь в виду, что все эти поставки происходили на условиях, намного увеличивавших стоимость заказов, да и выполнялись они лишь частично и несвоевременно.

Ллойд-Джордж после войны откровенно признал, что союзники могли вооружить русскую армию и спасти ее от поражений 1915 г., но из эгоистических соображений не сделали этого. Английское правительство, в руках которого фактически находился контроль над большей частью русских заказов, потребовало, чтобы Россия в качестве

гарантии оплаты заказов перевела свой золотой запас в Лондон. Свыше 640 млн руб. русского золота было вывезено во время войны¹.

Другими словами, роль России во внешнеполитических планах Великобритании заключалась в том, чтобы служить интересам английских монополий, а целью Лондона было максимально ослабить Россию, ограничив ее геостратегическое пространство в лучшем случае ее государственными границами.

Франция. В отличие от Англии у Франции не было столь сильных колониальных противоречий с Россией. Главным противником Парижа была Германия. Именно этим прежде всего обуславливалась дружба с Россией. Помимо этого, французский капитал слишком глубоко внедрился в российскую экономику. То есть сама Россия рассматривалась если не как колония, то как нечто вроде французской полукolonии. Эти два важных фактора (Германия и капиталы в России) делали царизм главным союзником Франции в отстаивании ее государственных интересов. Россия была, таким образом, не только дойной коровой для французского капитала, но и «медведем», способным если не уничтожить, то существенно придушить постоянного стратегического противника. Без России Франция была бы разгромлена Германией, как это и произошло в 1870–1871 гг. Это признавал главнокомандующий союзными войсками маршал Ф. Фош, который после восточно-прусской операции сентября 1914 г., в ходе которой погибло около 250 тыс. российских солдат и офицеров, заявил: «Если Франция не была стерта с лица земли, то этим прежде всего мы обязаны России»². В ответ великий князь Николай Николаевич заявил французскому представителю: «Мы счастливы принести жертву для наших союзников»³. И приносили. Как замечает Г. Вернадский: «На протяжении первого года войны российские вооруженные силы были почти постоянно задействованы в сражениях, в то время как английские и французские войска после битвы на Марне главным образом сидели в окопах» (с. 285–286).

После начала войны российская армия не раз и не два спасала своего союзника ценой огромных материальных и человеческих жертв. Дело дошло до того, что в обмен на поставки оружия Париж потребовал прислать 400 тыс. солдат, которые Россия и стала направлять в 1916 г. во Францию и на Салоникский фронт. Как пишет русский военный историк А.А. Керсновский в «Истории русской армии», «„Нарочское наступление“ марта

¹ Всемирная история, с. 561, 562.

² Независимое военное обозрение. 06.11.1998.

³ Цит. по: Rancour-Lafferriere, p. 84.

1916 г. обошлось нам в 200 тысяч человек, обескровило войска и своей неудачей угасило дух военачальников»¹.

В каком униженном положении находилась царская Россия, свидетельствует даже поведение французского посла в Петрограде М. Палеолога. В этой связи обычно приводится в пример наглый тон француза, отчитавшего Милюкова за декларацию Временного правительства от 20 марта 1917 г.: «После наших последних бесед я не был удивлен выражениями, в которых обнародованный сегодня утром манифест говорит о войне, я тем не менее возмущен ими. Не заявлена даже решимость продолжать борьбу до конца, до полной победы. Германия даже не названа»². Следовательно, для Франции, так же как и для Англии, роль России сводилась к поставкам «пушечного мяса» ради ее империалистических интересов в противостоянии с Германией.

США. В начале века США агрессивно заявили о себе как о новой колониальной державе, развязав войну с Испанией, глубоко внедрившись в сферы интересов европейских держав на Дальнем Востоке. Борьба шла за захват новых рынков и передел старых. Миротворец Вудро Вильсон, как называли его после Версальского конгресса, в начале века в своей пятитомной «Истории американского народа» писал о том, что нужно добиваться, чтобы Соединенные Штаты «могли командовать экономическими судьбами всего мира», а говоря о рынках, считал, что они должны быть открыты с помощью дипломатии, но если понадобится, то и силы. В 1907 г. он говорил: «Поскольку торговля игнорирует национальные границы, а промышленность требует всего мира в качестве рынка, то двери государств, которые закрыты, должны быть вышиблены»³. Подобные соображения и легли в основу вильсоновской «политики открытых дверей», которая главным образом разворачивалась тогда на Дальнем Востоке в контексте отношений с Японией, Китаем и Россией.

Выше уже говорилось, что в ходе мирных переговоров в Портсмуте Т. Рузвельт занимал прояпонскую позицию. Однако надо иметь в виду, что в США тогда были и сторонники иного варианта игры в «баланс интересов». А он предполагал возможность сотрудничества с Россией в игре против Японии. Среди приверженцев такого подхода были госсекретарь Хэй и железнодорожный магнат Эдвард Аверел Гарриман. В этом случае предполагалось проникновение в Китай и «развитие» Сибири совместно с

¹ Цит по: Независимая газета. 25.06.1999.

² Палеолог, с. 378.

³ Цит. по: Williams, p. 72.

царской Россией. Подобный подход находил отклик и среди некоторых российских деятелей, отстаивавших его с начала 1890-х годов на протяжении 15 лет¹.

Возобладала, однако, иная линия. Ставка была сделана на Японию против России. В результате усиления Японии... сами США оказались вытесненными из Маньчжурии. Хотя эти просчеты были учтены в последующем, но ситуация сложилась таким образом, что Япония оказалась на стороне Антанты, США — тоже, правда, по причинам, не связанным с дальневосточными делами. Во-первых, в 1913 г. США испытывали серьезный экономический кризис, во-вторых, 77% американского экспорта приходилось на страны Антанты, в-третьих, а это одна из важнейших черт американской политики, США идеологически склонны защищать демократию. Американцы опасались, что в случае победы кайзеровской Германии в мире может восторжествовать автократия, чуждая демократическим принципам свободы, которые так яростно отстаивал В. Вильсон на основе концепции «политики открытых дверей». Неслучайно многие историки постоянно подчеркивали, что Вильсон вообще рассматривал войну в Европе как «борьбу за демократию против воинственного духа прусского юнкера»².

Тем не менее Вильсон не торопился вступать в войну, давая возможность американскому бизнесу вести торговлю с юнкерами через скандинавские страны. К войне его подтолкнули сами немцы: их подводные лодки топили американские торговые суда. Некстати была обнародована и телеграмма германского министра иностранных дел Циммермана мексиканцам с требованием вступить в войну с США. Только 2 апреля 1917 г. Вильсон направил в конгресс предложение о том, чтобы тот согласился объявить войну Германии. При этом американцы вступали в войну не как настоящие союзники, а как «сопутствующая» («associated power») держава, т.е. у них оставались свободными руки для дипломатических маневров. В реальную же войну США вступили только в мае 1918 г.

Что касается России, то с геостратегической точки зрения Вашингтон придавал ей мало значения, однако в экономическом плане не забывал. В ходе войны значительно усилилась зависимость России от американского бизнеса. Царское правительство разместило в Соединенных Штатах заказы на вооружение и снаряжение на общую сумму 1 млрд 237 млн руб. Американский импорт в Россию увеличился в 17 раз по сравнению с довоенным временем. Уже в 1916 г. Соединенные Штаты заняли первое место во внешней торговле России, оттеснив Англию и Францию.

¹ Подробнее см.: Williams, p. 75.

² Grenville, p. 117.

Германия. У Германии был большой резон биться со своими главными колониальными конкурентами. Война между ними была неизбежна. Противоречия же с Россией не были столь остры. В какой-то степени разногласия возникали в связи с Черноморскими проливами, контролируемые Турцией, многолетним союзником Германии. Вовлеченность России в балканский узел противоречий волновала Берлин только с точки зрения ослабления или усиления другого союзника Германии — Австро-Венгрии. В целом же германо-российские отношения были достаточно близки (в торговле, как уже говорилось, взаимные позиции были весьма высоки), о чем свидетельствует тайно заключенный двусторонний договор в Бьёрке (в июле 1905 г.). И хотя «Николай рассматривал это соглашение как шаг, направленный против Великобритании, а не против Франции»¹, оно так и не было реализовано из-за профранцузской позиции большей части правящих кругов России. Германия пыталась склонить Петербург на свою сторону в преддверии предстоящих баталлий с Францией и Англией. Однако не столь настойчиво, как того требовали обстоятельства. В немалой степени это объяснялось, помимо всего прочего, и тем, что в Берлине не очень высоко оценивали военные способности России и ее экономический ресурс в свете предстоящих битв с реальными противниками. На таком представлении явно сказалось и поражение России в войне с Японией.

Австро-Венгрия. Для Габсбургской монархии Россия была главным противником на протяжении многих десятилетий. Балканский узел противоречий, межнациональные проблемы в самой империи, геостратегические интересы в зоне Проливов — все это напрягало взаимоотношения между Веной и Петербургом, которые нередко были вовлечены в события, в том числе и войны, по разные стороны баррикад. Со всех этих точек зрения Россия, безусловно, играла крайне важную роль в совокупной внешнеполитической деятельности Габсбургской монархии. Однако объявление войны России мотивировалось не только старыми противоречиями, но и уверенностью в поддержке со стороны Германии, а также заниженными представлениями о военном потенциале России по той же логике, какая была присуща и Берлину. Можно предположить, что и нерешительное поведение России во время Балканских войн 1912–1913 гг. укрепляло такие невысокие оценки возможностей России. По крайней мере результаты этих войн, как свидетельствовали события, в значительно большей степени определялись в Париже, Лондоне и Берлине, чем в Санкт-Петербурге². Иначе говоря,

¹ Г. Вернадский, с. 275.

² Подробнее см.: История дипломатии, с. 734–766.

Россия в тот момент не рассматривалась как главный актор в решении противоречий на Балканах и в самой Габсбургской монархии.

Государственные интересы России

Когда говорится о государственных интересах России того периода, надо отдавать отчет, что речь идет об интересах царского режима, правящих кругов России, не имеющих никакого отношения к национальным интересам российского народа. Раз так, то тогдашние государственные интересы ничем не отличались от аналогичных интересов любой другой империалистической державы. Поэтому я буду исходить в дальнейшем из логики и психологии правящих кругов России.

Уже само присоединение России через различные договоры (1894 г. — с Францией, 1907 г. — с Англией) к Антанте говорит о том, что Россия решила реализовывать свои государственные интересы с помощью названных государств. Хотя эти намерения и не были четко обрисованы в некой доктрине национальных интересов или национальной безопасности в то время, имелось в виду следующее: победа над Германией позволила бы ослабить конкурента в целях захвата Константинополя и соответственно вождеденных проливов, присоединить турецкую Армению, а разгром Австро-Венгрии давал возможность присоединить западноукраинские и польские земли, находившиеся под властью Габсбургов. Не так уже много целей, чтобы ввязываться в мировую войну!

Главная же проблема заключалась в другом. Ставя перед собой подобные цели, царская Россия, судя по всему, не понимала некоторых простых вещей. Во-первых, даже если бы она в результате и оказалась в числе победителей, то ни Париж, ни Лондон Константинополь России не отдали бы. Если бы у них действительно было бы такое желание, они это могли сделать и в 1878 г. (Берлинский конгресс), и в ходе упоминавшихся Балканских войн. То же самое касается и западноукраинских и польских земель. Во-вторых, правящая элита в целом не понимала, видимо, и того, что страны Антанты, толкая Россию против австро-германского блока, отнюдь не имели в виду усилить Россию, а как раз наоборот, расчет строился именно на ослабление России, чтобы наконец добиться низведения ее до роли малозначащего государства не то что в мировой, но даже и в региональной политике. Уже в ходе войны, подвязанная под финансовую, военную и экономическую «помощь», Россия начала терять экономический суверенитет. После же войны была очень большая вероятность потери и политической независимости. В-третьих, делая ставку на Францию и Англию в решении своих, даже империалистических задач, царская Россия игнорировала один из важных принципов

внешней политики — дружить с соседями, а свои империалистические задачи решать с их же помощью на других участках мировой политики. Раз уж Россия вступила на капиталистическую стезю, то и надо было действовать по западным законам капитализма, а не в соответствии с русским устроением: сам погибай, а товарища выручай. Тем более что «товарищи»-то были самые нормальные капиталистические хищники.

Исходя из этой логики, надо было идти на тройственный альянс именно с Германией и Австро-Венгрией против дальних врагов — Франции и Англии, а на Востоке — с Китаем против Японии и США¹. Такой мощный срединно-континентальный блок имел очень большие шансы очистить Европу от франко-английского доминирования, а на Востоке установить российско-китайскую гегемонию против океанических держав. Это — естественная конфигурация (материковые державы против океанических), соответствующая законам геостратегии империализма. В некоторой степени она была актуальна и в 1930–1940-е годы.

Вместо этого ложно истолкованные интересы, реализованные через абсолютно безмозглую политику, стоили русскому народу от 7 до 8 млн жертв, куда входят убитые, раненые, без вести пропавшие и попавшие в плен². Вот как, например, оценивается славянофильская миссия России в одной фундаментальной книге по России. В. Галин пишет: «Но благородство (освобождение Болгарии) обошлось России слишком дорогой ценой. За „освобождение славян“ Россия только солдат похоронила более 200 тыс., положила на алтарь войны огромное количество собственных экономических и материальных ресурсов, столь необходимых для развития своего народа, подорвала столь трудно создававшийся политический капитал России в Европе...» (с. 385).

Тот же автор приводит ряд высказываний, в которых дается оценка внешней политики царского правительства. Приведу некоторые из них: «Мнение всей просвещенной Европы на этот раз было единодушным. Вильгельм говорил, что Россией двигали не прагматические цели, а инстинкты... Тарле справедливо указывал: „Крымская война, русско-турецкая война 1877-1878 годов и балканская политика России 1908-1914 годов — единая цепь актов, ни малейшего смысла не имевших с точки зрения

¹ Любопытно, что в отношении Китая мои взгляды совпали с рассуждениями Менделеева, которые я вычитал только при подготовке данного издания. К моему удивлению, Менделеев писал: «Желательно, чтобы Россия вновь прочнейшим образом заключила теснейший политический, таможенный и всякий иной союз с Китаем, потому что он явно просыпается, в нем 430 млн народа и он имеет все задатки очень быстро, наподобие самой России, стать могущественнейшей мировой державой. Условия, существующие сейчас, этот союз допускают и делают возможным...» (с. 330).

² Оценки жертв Первой мировой войны в различных источниках разные. Обычно у авторов-«демократов» они меньше, около 7 млн чел. (см, например: Россия в окружающем мире, с. 141), у объективистов больше, около 8 млн чел. (как, например, у Роберта Мэсси).

экономических или иных повелительных интересов русского народа“. Скобелев говорил, что Россия — единственная страна в мире, позволяющая себе роскошь воевать из чувства сострадания» (там же).

* * *

А теперь небольшое резюме по поводу изложенного.

Результаты войны для России. Сначала жертвы. Берем данные, приведенные в книге Роберта Мэсси, который сам их почерпнул у генерала императорской армии Николая Головина: в годы Первой мировой войны было убито 1 300 000 чел., 4 200 000 было ранено, из которых позже умерло 350 000, 2 400 000 было взято в плен. В целом — 7,9 млн чел., т.е. более половина из 15, 5 млн мобилизованных русских солдат и офицеров за 1914–1916 гг.¹ Ни одна из первоначально поставленных задач с точки зрения реализации «национальных интересов» выполнена не была.

Влияние. Благодаря мощному военному потенциалу и громадным жертвам Россия кардинальным образом помогла одержать победу своим союзникам над кайзеровской Германией в ущерб собственным реальным национальным интересам.

Роль России. С военной точки зрения Россия высоко оценивалась своими союзниками (так же как и противниками), но главным образом в контексте «пушечного мяса». С политической же точки зрения царский режим рассматривался в качестве марионетки Парижа и Лондона.

Другими словами, даже придерживаясь методов буржуазной науки в ее объективистском варианте, следует признать полный провал внешней политики царского правительства в 1900–1917 гг.

¹ Massie, p. 322.

Баланс сил — многополярность — война

Тема этой главы не имеет прямого отношения к общей проблематике брошюры, но поскольку ныне модно говорить о многополярности как наиболее желательной международной конструкции, есть смысл хотя бы коротко на ней остановиться.

По утверждению Г. Киссинджера, к середине 1890-х годов закончился период господства системы баланса сил. В его интерпретации эта система «работает хорошо» или является жизненной при наличии хотя бы одного из трех условий. Первое условие требует, чтобы любое государство обладало свободой выбора любого союзника в зависимости от потребностей текущего момента. Такая система, по его мнению, существовала в XVIII веке и в период правления Бисмарка до 1890 г. Второе условие — актер не опасается, что какая-либо из существующих коалиций станет доминирующей. В качестве примера Киссинджер приводит ситуацию после заключения франко-русского пакта 1891 г. до середины 1890-х годов. Наконец, третье условие предполагает наличие сильных альянсов при отсутствии «балансира», но с низким уровнем взаимодействия (очевидное противоречие, но пока это не важно), что ведет к различного рода компромиссам или изменениям в самих блоках¹. Из рассуждений Киссинджера вытекает, что он является как раз сторонником концепции баланса сил, которая придает международным отношениям некую упорядоченность и стабильность.

Действительно, если придерживаться данной теории, то можно согласиться с Киссинджером в том, что при описанных им условиях баланс сил возможен. Правда, на бумаге. В реальности же, если признать существование системы баланса сил в указанные Киссинджером периоды, мир имел сплошные войны. И это естественно, поскольку баланс сил на самом деле является отражением многополярной структуры международных отношений, в рамках которой каждый из центров силы стремится к гегемонии, в том числе и с помощью организации блоков или альянсов. Причем слабые страны того или иного альянса так или иначе выполняют подсобную роль, в конечном счете в пользу своего более сильного патрона или лидера альянса. По-моему, это очевидный факт. И чем больше всевозможных «полюсов», тем ожесточеннее борьба за гегемонию, ведущая к бесконечным войнам и конфликтам.

Начало XX века знаменует собой расцвет многополярного мира. В то время в качестве региональных «полюсов» выступали Великобритания, Германия, Франция, Австро-Венгрия, США, Россия и опережающая Япония. В отличие от предыдущего века в зону интересов «полюсов», за исключением Австро-Венгрии, попадала не только

¹ Kissinger, p. 181–182.

Европа, но и Восточная Азия. То есть борьба между ними разворачивалась на двух фронтах: на Западе и на Дальнем Востоке. Расширение географического пространства борьбы за сферы влияния осложняло формирование коалиций, поскольку интересы некоторых центров силы совпадали на Западе, т.е. в Европе, и одновременно расходились на Востоке. Например, такое состояние испытывали отношения между США и Россией, Великобританией и Россией: совпадение интересов в Европе, расхождение на Дальнем Востоке. И наоборот, совпадение интересов России и Германии на Востоке, расхождение в Европе. Как бы ты ни было, в начале века сложился классический многополярный мир с естественной игрой в баланс сил (формирование различных коалиций и блоков), которая неизбежно вела к войнам.

Я в данном случае не касаюсь истоков борьбы за сферы влияния. Они достаточно глубоко проанализированы учеными, прежде всего марксистского направления. Важно то, что эти причины, в первую очередь экономические, в конечном счете дают возможность сформулировать закон силы, действующий в системе международных отношений.

Он гласит: **как только государство достигает уровня экономической мощи и военного потенциала, адекватного мощи и потенциалу ведущих государств мира, оно требует для себя нового статуса, означающего на деле соответствующую долю сфер мирового влияния.**

Поскольку старые великие державы, как правило, противятся подобным требованиям, то приобретение такой сферы влияния осуществляется путем разрушения старой структуры взаимоотношений, включая и соответствующую ей систему безопасности.

Заключение

Приведенные материалы, как представляется, развенчивают мифы о царской России конца XIX — начала XX века как процветающего государства, как ее пытаются представить российские ученые буржуазного направления. Наоборот, развитие капитализма в России в его европейском варианте вело к ослаблению места и роли России в мире, к потере политической и экономической независимости и в конечном счете к уничтожению России как суверенного государства.

Это значит, что капитализм как тотальная политико-экономическая система не соответствует характеру и устрою русского народа, цивилизация которого сформирована на иных политических, экономических и культурных основаниях.

Любая попытка воспроизвести капиталистическую систему западного образца в России обречена на провал. В случае же ее «успеха», т.е. насильственной капитализации России, результатом будет или колонизация страны западным миром, или просто уничтожение русского народа как представителя уникальной цивилизации.

Такие выводы подсказывает история России начала XX века.

Приложение

Мадам Нарочницкая, Энгельс и панславизм

Много раз от современных российских журналистов приходилось слышать такую фразу: «Маркс и Энгельс ненавидели Россию, а у нас, в Москве, до сих пор стоят памятники этим деятелям». К журналистам у меня претензий нет, поскольку поверхностность и политическая неграмотность большинства из них является их профессиональной чертой. Но вот недавно случайно мне попала книжка доктора исторических наук Натальи Нарочницкой «За что и с кем мы воевали» (М.: Минувшее, 2005). Эта та самая Нарочницкая, дочь советского академика А.Л. Нарочницкого, которая является обожательницей кадетов, ненавидит советскую власть и большевиков, депутат предыдущей Думы, причем от какой-то полулевой, но очень патриотической партии. На последних выборах что-то у нее не получилось: в Думу не попала. Но ей организовали Институт, который должен повышать «имидж» России за рубежом. Место для нее выбрали хорошее: Париж.

Когда-то мы работали в одном отделе в *Институте мировой экономики и международных отношений*, хотя виделись редко, поскольку она в основном пребывала за рубежом, кажется, в Швейцарии. По пути в одну из заграничных командировок ей, как в свое время к Савлу, явился сам Иисус Христос, пристыдил ее за неверие к Себе, после чего она стала истово верующей, такой настоящей православной патриоткой, агрессивно непримиримой ко всем атеистам, как иезуиты Средневековья. Но это ее личное дело. Не личное, когда она выпускает книги, оболванивающие читателей, которые и без нее уже полагают, что Солнце крутится вокруг Земли.

* * *

Так вот: речь идет о позиции Энгельса к панславизму как негативному явлению с точки зрения революционного движения. В ряде публицистических статей он обрушивается и на «русских» как на потенциальный оплот панславизма в середине XIX века. Как же расправляется с ним наша раба божья?

Для начала чистое вранье. Мадам пишет: «Не Розенберг, а Энгельс дает впечатляющие рекомендации: „взять у поляков на западе все, что, возможно, занять их крепости немцами, пожирать их продукты» (пунктуация *Н.Н.*, с. 40). И делает ссылку: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т.37. М., 1965, с. 317. (Далее ссылки на их сочинения будут обозначаться как МЭ.) Вот какой антипольский вандал Энгельс!

Не исключено, что Энгельс и мог бы такое написать в ранних работах (все зависит от контекста), хотя именно поляков он ценил выше всех из-за их революционности в те годы.

На самом же деле такого текста на указанной странице нет, а есть письмо к Вере Засулич (1890 г.), в которой Энгельс весьма осторожно оговаривает свою позицию в отношении славянских вопросов, предлагая именно русским высказать свои позиции на этот счет. А что касается его самого, то он пишет: «Если поляки претендуют на территории, которые русские вообще считают приобретенными навсегда и русскими по национальному составу населения, то не мне решать этот вопрос. Все, что я могу сказать, так это то, что, по-моему, население, о котором идет речь, должно само определить свою судьбу – совершенно так же, как эльзасцы сами должны выбирать между Германией и Францией» (МЭ, т. 37, с.317). А вот в том же письме о русских: «...русское офицерство по своему общему развитию и моральным качествам бесконечно выше прусского» (там же, с.318) – Вот так госпожа Нарочницкая обращается с источниками.

Далее. Демонстрируя «антиславянизм» Энгельса, она цитирует из того же издания, но из 6-го тома такой пассаж: «Там, где речь идет о существовании, о свободном развитии всех ресурсов больших наций, там сентиментальная заботливость о некотором количестве разбросанных в разных местах... славян не играет никакой роли» (с.39). Обратите внимание на многоточие. Ссылка уже не на конкретную страницу, а на всю статью: т.6, с.289–306. Так что же было вместо многоточия? Нахожу вот что: «...там сентиментальная заботливость о некотором количестве разбросанных в разных местах **немцев или** славян не играет никакой роли!» (МЭ, т.6, с.296; *выделено мной. – О.А.*) Из этого текста вытекает, что этот Энгельс, оказывается, был не только славянофобом, да еще и германофобом. А ведь Нарочницкая опустила слова о «немцах» сознательно. Ничего удивительного, поскольку это стандартный вариант фальсификации, который используется антикоммунистами всех стран. Ложь, подтасовка – инструменты их «научного анализа».

В этой связи довольно лицемерным выглядит ее сентенция: «Сегодня общественная наука на Западе перестала оперировать научными философскими категориями, а поступила на службу идеологии» (с. 44). Совершенно верно. На Западе общественной науки практически не существует. Она насквозь идеологична. Но сама мадам эту идеологичность и демонстрирует, что называется, на полную катушку. Помимо элементарного вранья, еще и полное отсутствие мышления как такового. И это проявляется в охаивании Энгельса как противника русских, как противника славянства и славянизма. У этой дамы не хватает мозгов, чтобы понять контекст работ Энгельса 1849 и 1890 гг. Ученая дама, ратующая за «научные категории», не осознает, что к

историческим событиям необходимо подходить исторически, учитывая специфику исторического времени и географического пространства. В этом суть диалектического анализа, которым безукоризненно владели Маркс, Энгельс и Ленин и который не в состоянии освоить буржуазные говоруны от науки.

* * *

А теперь о панславизме 1848–1849 гг. Эта тема вновь становится актуальной среди русских патриотов, взгляды которых в определенной степени выражает и доктор Нарочницкая.

Напомню, что идею панславизма в те годы активно отстаивал великий русский анархист М. Бакунин, бунтарь, небогрёз и типичный русский «еслибист». Против его брошюры «Призыв к славянам» и выступил молодой Энгельс со статьей «Демократический панславизм», опубликованной в феврале 1849 г.

Для начала наша ученая противопоставляет Бакунина Энгельсу. Она пишет: «Гневную отповедь классика вызвал призыв Михаила Бакунина к единению славянства и освобождению от иноземного ига. Но русский одновременно говорил о „протянутой братской руке немецкому народу... во имя свободы, равенства, братства всех наций“. Что же классик интернационализма? Равенство и братство – не для всех, и Энгельс как отрезал, что „речь идет не о братском союзе всех европейских народов, а о союзе революционных народов против контрреволюционных“» (с. 38).

И правильно «отрезал». Ведь Энгельс раскритиковал брошюру Бакунина не за «братство и свободу», а за элементарную болтовню на эти темы. О каком единении и братстве могла идти речь после поражения революций 1848 г., которые как раз и подавлялись славянскими народами, включая русских? В те годы все эти «мечтательные воодушевления», «фантастические абстракции» являлись «пустой мечтой», сотрясанием воздуха, тем, что я сейчас называю «еслибизмом». Ну разве не еслибизмом является краснбайство Бакунина: «Революция полнотой своей власти объявила распущенными деспотические государства, прусское государство... и, наконец, последнюю надежду деспотов, Российскую империю...» (цит. по: МЭ, т. 6, с. 291). Что из того, что объявила? Они после такой объявки исчезли, что ли? Энгельс совершенно справедливо в ответ пишет, что «О действительности здесь вообще нет речи». Все это звучит вдохновенно, красиво, суперреволюционно, но без учета реальности, что вообще характерно для экзальтированных русских. Такого типа речи напоминают мне современного Проханова: художественно, метафорично, образно. Но все небогрёзно. Где-то в потустороннем мире.

Отношение Энгельса к славянам, равно как и ко всем другим народам, определялось главным критерием – *революционностью*. Это слово для рабы божьей Нарочницкой

невыносимо даже психологически. Но она никогда не сможет осмыслить или согласиться с простой истиной: у революционных мыслителей иная логика, иная шкала оценок. Она отличается от логики обывателей, обуржуазившихся дам, вписавшихся в структуру современной российской профессуры. Для Энгельса «братство», «равенство» – пустые слова, если они не сопрягаются с революционными действиями. Энгельс писал: «Славяне – мы еще раз напоминаем, что при этом мы всегда исключаем поляков, – постоянно служили как раз *главным оружием контрреволюции*. Угнетаемые дома, они вовне, всюду, куда простиралось славянское влияние, были *угнетателями всех революционных наций*» (там же, с. 299).

И разве это не так? И он детально показал, что в тот момент, в 1848 г., практически все виды славян, за исключением поляков, находились в контрреволюционном лагере. И каким образом революционный немец, француз или итальянец мог принять «контрреволюционную руку» славянина, который его же и подавлял? Самое курьезное, на что мадам не захотела обратить внимание, что Славянский съезд в Праге, на котором стараниями Бакунина провозгласили идею панславизма, *был разогнан* «не немцами, а галицийскими, чешскими, словацкими славянами, и только славянами!» (там же, с. 301).

И это надо помнить нынешним славянофилам. К примеру, в наше время газета «Завтра» призывает объединиться *всем* ради мифической Пятой империи. Мы все, мол, дети одного государства и надо его *Развивать*. Все эти ребяческие утопии, подобные мечтаниям Бакунина, до сих пор в ходу у православных патриотов. Почему-то им в голову не приходят некоторые простые вопросы. Например. Как я могу *развивать* государство, которое меня же грабит и угнетает. Как могут объединяться олигархи с нищими? Рабочие с банкирами? Ученые с попами? Та же мадам Нарочницкая, ратующая за «братскую руку», очевидно не подаст этой руки коммунистам. В своей книжонке она не упускает ни единой возможности, чтобы не лягнуть большевиков и советскую власть. И опять же, вокруг *какого* государства? Вновь и вновь красивая и глупая болтовня о единой православной культуре.

Энгельс был на 100% прав в своей оценке панславизма. Вторая половина XIX века и особенно XX и даже XXI век подтвердили и подтверждают его пророческие рассуждения. Славяне не только не смогли объединиться в какой-нибудь мощный союз¹, а истребляли друг друга более беспощадно, чем их угнетатели из неславянских наций. Достаточно посмотреть на распад Югославии в конце XX – начале XXI века. Славянское «братство» особенно позорно проявилось в отношении восточных славян к русским.

¹ Не путать с блоком Варшавского договора и СЭВ. Это «союзы», созданные на социалистической, а не на национальной основе.

Болгары, которым царская Россия помогла освободиться от турок во второй половине XIX века, как минимум дважды по большому счету предавали русских, встав на сторону Германии в Первую и Вторую мировую войну. После распада Советского Союза, который освободил всех славян от фашизма, эти самые славяне дружно предали свою освободительницу, переметнувшись на Запад. В Польше и Чехии готовят площадки для американской системы ПРО, однозначно направленной против России. Да что там чехи и поляки! Уже украинцы намереваются войти в НАТО, видимо, из большой любви к братьям-славянам-москалям. Примеров предательства славян по отношению друг к другу нет числа.

И после всего этого какие-то «ученые» обрушиваются на Энгельса за антипанславизм! А кто-то еще мечтает и о возрождении этой бредятины.

В статье у Энгельса есть очень интересное наблюдение. Он пишет: «Но панславизм отличается не менее ребяческим и реакционным характером, чем пангерманизм. Когда вы читаете историю панславистского движения прошлой весны в Праге, вам кажется, что вы отброшены на тридцать лет назад: трехцветные ленты, допотопные костюмы, старославянское богослужение, полная реставрация эпохи и нравов первобытных лесов...» (там же, с.304).

У меня точно такое же ощущение в отношении сегодняшней России. Славяне-патриоты с казачьими и религиозными хоругвями, выводящие псалмы под началом толстопузых батюшек, языческие обряды и празднества и прочее и прочее. Это уже откат не на тридцать лет, а на все двести.

* * *

Критикуя Энгельса, Нарочницкая неосознанно затронула одну важную тему, которую время от времени поднимают политизированные социологи во многих странах, когда хотят обвинить марксизм в антигуманизме. Речь идет о рассуждениях Энгельса относительно нежизнеспособности и несамостоятельности славян, историческая жизнь которых обречена на исчезновение. Такую «дикость» не смогли выдержать даже советские историки, осудив ее в Предисловии к 6-му тому, где были помещены статьи Энгельса о славянах. Дескать, вот в этих вопросах тов. Энгельс ошибался.

Энгельс, конечно, не бог и ошибался не раз и не два, в чем никогда не стыдился признаться. Но в данном вопросе, на мой взгляд, ошибаются все, кроме Энгельса. Даже в свои 29 лет и даже в пылу революционной атаки на панславизм (статьи написаны, естественно, в атакующе-публицистическом стиле против Бакунина) он в конечном счете был прав исторически.

Во-первых, написав о несамостоятельности славян, Энгельс оговорил, что при этом не имеются в виду «поляки, русские и, самое большое, турецкие славяне» (видимо, имелись в виду те, кто были «под турками»).

Во-вторых, он привел примеры исчезновения некоторых славянских племен, не выдержавших испытания историческим временем.

В-третьих, доказательно была показана несамостоятельность многих из славянских наций вследствие их малочисленности и распыленности. И если некоторые из них все-таки выжили даже под господством Османской империи, то произошло это в немалой степени благодаря мадьярам и немцам. Впоследствии, начиная с середины XIX века и по настоящее время, историческая практика подтвердила и подтверждает, что ни одно из славянских образований, (за исключением России, особенно периода существования Советского Союза) не являлось и не является самостоятельным. Каждое из них в той или иной форме зависело от крупных, жизнеустойчивых государств. Ни одно из них не было *субъектом* мировой политики. Все они без исключения являли собой *объекты* политики. И их задача всегда была одна и та же: к кому выгоднее прислониться. С середины XIX до середины XX века они метались между Англией и Францией, со одной стороны, Германией и Австрией – с другой. После второй мировой войны их подобрал Советский Союз, правда, совсем на иной основе. А после распада СССР они дружно продались Западу: Западной Европе и США. Никакой самостоятельной роли все эти страны не играли и не будут играть.

А что касается «исчезновения», о котором писал Энгельс, так еще не вечер. История не закончилась. Вот совсем недавно исчез последний представитель какого-то северного народа на Аляске. Сохранилось несколько десятков людей еще одного народа в Англии. Лет через сколько-то и они исчезнут. И т.д. Исчезнут и восточные славяне вместе с прибалтами, поскольку они не соответствуют закону массы и динамики воспроизводства населения.

* * *

В этой связи обычно встает такой вопрос: стоит ли пестовать малые народы, создавать им особые условия и льготы для развития их культуры, размножения и т. д. Если я скажу нет, не стоит, мне тут же в ответ: как же так, даже исчезающих животных и растения стараются сохранить. Красные книги для этого заводят. Да, заводят... от глупости. Потому что не знают законов развития природы и общества. Потому что не понимают, что когда пытаются искусственно сохранить слабый вид, который сам не в состоянии выжить, точнее, самостоятельно приспособиться к окружающей среде, то тем самым нарушаются взаимоотношения всей системы животного или растительного мира. Через некоторое время пестуемый «слабый» ослабляет всю окружающую систему. Закон

силы, применимый к органическому и общественным мирам, гласит: слабый вымирает, сильный выживает. На какое-то время можно затормозить этот процесс, но исторически остановить его невозможно.

В обществе это очевидно на примере с нищими: чем больше вы поддерживаете нищих, тем больше их становится и тем больше ослабляется вся здоровая часть общества. Так же с неизлечимыми больными, так же с гомосексуалами и т.д. Чем больше ресурсов человечество будет тратить на поддержание антиобщественных и антиприродных явлений, тем больше у него шансов на исчезновение. Какой смысл во внешней поддержке так называемых малых народов? Какие великие деяния свершили их представители? Они родили Платона, Аристотеля, Декарта, Гегеля, Шекспира, Гете, Конфуция, Пушкина, Шостаковича?

Их надо просто оставить в покое. Их выживание зависит от них самих. Думаю, в исторической перспективе вообще останется только один народ – земляне. И это не будет народ, состоящий из многих народов и наций. Какой-то один из нынешних, а может быть, из более поздних крупных народов станет доминантой будущих землян. Будут ли это китайцы, американцы, индийцы, не берусь гадать. Но полагаю, что это не будут славяне, поскольку даже самый крупный среди них народ – русский – выбрал себе путь самоуничтожения.

Позиция в отношении тезиса о неизбежности исчезновения народов, рас или государств не имеет отношения к понятию нравственности, к паре гуманизм/антигуманизм. Это научный подход, поскольку исчезновение народов и даже цивилизаций постоянно подтверждается исторической практикой. Где шумеры, где хетты, инки, майя, ацтеки? Тысячи малых и даже не малых народов исчезли с лица земли из-за неспособности приспособиться к окружающей среде. Имею в виду не только экологическую, но и геостратегическую среду. Точно так же как эволюция в природе, «погубив» миллионы видов, привела к возникновению человека. И когда Энгельс писал об исчезновении славянских народов (а в других работах он указывал и на неславянские народы), он не исходил из обывательского представления: нравится – не нравится, а из объективного процесса выживания или невыживания тех или иных наций и народов. Плюс, и это очень важно, исходил из степени их *революционности*. Это весьма важный критерий. История показывает, что народы, уклонявшиеся от революций, исчезали или прозябали в качестве сателлитов революционных народов. Поскольку революция – это скачок вперед, скачок к новым формам не просто выживания, а именно развития. Именно благодаря революциям: научным, техническим, политическим и экономическим увеличивалась средняя продолжительность жизни (СПЖ) человека и количество самого

населения той или иной жизнеспособной нации. А именно СПЖ и является критерием прогресса.

Все эти вещи у меня прописаны в научных работах. И здесь я об этом упоминаю только для того, чтобы выразить свое восхищение молодым Энгельсом, который уже в своих ранних статьях интуитивно выразил закон выживания рода (народа). И я полностью согласен с концовкой его другой статьи на эту же тему («Борьба в Венгрии», 1849 г.), которую он блестяще завершил словами: «В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом» (МЭ, т.6, с. 186). И хотя «ближайшая мировая война» разразилась через 65 лет, тем не менее, действительно, немало династий полетели, а главное, исчез реакционный русский народ, возродившись в форме революционного советского народа. Именно о таком «советском народе» пророчествовал Энгельс, писавший: «Славянский народ, которому свобода дороже славянства, уже одним этим доказывает свою жизнеспособность, тем самым уже гарантирует себе будущее» (там же, с. 179). И нынешний русский выживет и даже будет процветать только тогда, когда в нем будет меньше славянского, а больше советского.

* * *

Думаю, Энгельс ошибся, причем сильно, только относительно поляков. Действительно, в XIX веке их, возможно не без основания, воспринимали как революционную силу, участвующую в редвижениях не только у себя на родине, но и за рубежом. Симпатии европейских революционеров были на их стороне главным образом из-за того, что они выступали против тогдашней царской России – оплота реакционности и мракобесия. Особенно во времена Николая I. Мне кажется, Энгельс деятельность поляков за освобождение от России, т.е. деятельность, носившую национально-освободительные черты, принял за революционность, за социально-политическое движение. Как показала последующая практика, эта «революционность» на самом деле означала чисто шляхетский национализм. Как только поляки добились «освобождения», главной сутью их внешнеполитической деятельности стала борьба именно с революционной, социалистической Россией. После второго освобождения, в связи с распадом СССР, поляки тут же поворачиваются к своим западным хозяевам, и начинают строить свою жизнь по-капиталистически. А по степени ненависти к братьям-славянам в России их превосходят, может быть, только прибалты. Но тем как бы сам бог велел: они не славяне.

Между прочим, об отношении поляков к русским весьма красноречиво писал крупный историк Н.М. Карамзин в послании Александру I, под названием «Мнение русского гражданина». В этом послании среди прочих интересных вещей есть и такие

строки: «Нет, Государь, *никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками* (курсив Карамзина. — О.А.)». Почему бы мадам Нарочницкой не взяться за критику антиславянизма Карамзина? На самом деле Карамзин был тысячу раз прав и не только в отношении поляков. Его суждение верно в отношении всех славян и прибалтов: все они, может быть, за исключением только белорусов, Россию предавали и предавать будут. Шкурные интересы у них всегда были выше идей славянства или панславизма. И Энгельс вновь прав, когда писал: «Таким образом, панславистское единство – это либо чистая фантазия, либо – *русский кнут*» (МЭ, т. 6, с. 182). К сожалению, «русский кнут» нужен и для самих россиян, чтобы они по дурости не исчезли. Никакая не демократия и даже не автократия, а только кнут, только народная диктатура может спасти Россию.

Правда, мадам Нарочницкая больше уповает на бога, на православие, на чувство принадлежности к Соборной Церкви, «соединяющей с Христом всех верующих – ушедших, нынешних и будущих. По этому образу будем стремиться к освященному Духом чувству принадлежности к своему Отечеству» (с. 72).

Такой бред вполне закономерен для доктора политических наук, освященного Духом православного отечества.

Как заурядная антикоммунистка, она не способна на элементарный логический научный анализ предмета. Именно поэтому ей понадобились подтасовки и ложь. Не случайно она ни разу не упомянула, что французов, англичан, не говоря уже о своих соотечественниках немцах, Энгельс критиковал намного жестче и хлеще, чем славян. Публицистические статьи Энгельса всегда эмоциональны, им присущ перехлест в выражениях. Они не могут служить основой для оценки позиции автора по тем или иным серьезным вопросам. В научных работах Энгельса отсутствуют журналистские всплески, они взвешенны, в них выверено каждое слово. И это знает каждый, кто хоть когда-либо читал работы этого крупнейшего ученого-революционера. Но что до этого нашей мадам! А впрочем, дело не в ней. Она просто воспроизвела методику фальсификации марксизма всеми антикоммунистами. Они не могут иначе. Потому что не за ними истина.

Единственное, что я не могу понять, как такая неграмотная женщина собирается укреплять «имидж» России за рубежом? Только в еще худшую сторону. Видимо, Кремлю уже выбирать не из кого. Это самые лучшие. Боже! Что же ты детей своих не щадишь?

28 марта 2008 г.